И. В. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА

ИСТОРИЯ ТВОИХ РОДИТЕЛЕЙ

РАЗГОВОР С МОЛОДЫМ ПОКОЛЕНИЕМ

„Просвещение"

И. В. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА

РАЗГОВОР С МОЛОДЫМ
ПОКОЛЕНИЕМ

МОСКВА
«ПРОСВЕЩЕНИЕ»
1988

ББК 87.717
Б53

Бестужев-Лада И. В.

Б53 История твоих родителей: Разговор с молодым поколением. — М.: Просвещение, 1988. — 112 с.
ISBN 5-09-001574-0

Автор, известный ученый, публицист, ведет разговор с читателем об осмыслении истории семьи и общества, о месте каждой личности в борьбе поколений за высокие идеалы и нравственные устои, сосредотачивая особое внимание на сложном этапе культа личности, застойном периоде и перестройке.

Книгу отличают острота и полемичность суждений. Она будет интересна широкому читателю.

Б $\frac{4306020000-662}{103(03)-88}$ КБ-20-35-1988 ББК 87.717

Научно-популярное издание

БЕСТУЖЕВ-ЛАДА Игорь Васильевич

ИСТОРИЯ ТВОИХ РОДИТЕЛЕЙ

Заведующий редакцией Н. П. Семыкин
Редактор Н. П. Семыкин
Младший редактор Н. А. Полякова
Художник И. В. Попов
Художественный редактор Е. Л. Ссорина
Технический редактор И. В. Беляева
Корректоры И. Г. Трошина, З. А. Безпалова

ИБ № 12603

Сдано в набор 23.05.88. Подписано к печати 04.07.88. Формат 84×108 1/32. Бум. типограф. № 2. Гарнит. литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,88. Усл. кр.-отт. 6,19. Уч.-изд. л. 6,36. Тираж 500 000 экз. Заказ 960.
Цена 25 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Типография № 2 Росглавполиграфпрома, 152901, г. Андропов, ул. Чкалова, д. 8.

Предисловие

У книги, которую вы держите в руках, есть подзаголовок — «Разговор с молодым поколением». Его появление не случайно. Автор — видный социолог страны, историк и педагог — ведет нелицеприятный разговор с сегодняшними школьниками, учащимися профессионально-технических училищ, студентами, касаясь исключительно острых, сложных и жизненно важных вопросов современной жизни.

Сегодня все мы хотим лучше осознать смысл начавшихся в нашем обществе перемен, понять, в чем суть предлагаемых решений, знать, какими мы будем завтра. Перестройка затронула и волнует все поколения, но особенно много вопросов у молодежи: как сторить будущее, что наследовать из прошлого, какими нравственными критериями руководствоваться?

Автор вместе с читателем пытается найти ответы на эти непростые вопросы, размышляет о корнях многих порочных явлений, ставших тормозом в социалистическом развитии страны.

Борьба за перестройку ведется во всех сферах и прежде всего — в духовной. И хотя эта борьба не принимает форму классовых антагонизмов, протекает она предельно остро. В этой революционной борьбе необходимо найти свое место прежде всего молодежи, тем, кому строить новое общество. «История твоих родителей» заставляет задуматься: а все ли мы делаем для того, чтобы воспитать в себе гражданина, убить в себе бессловесного исполнителя? Эта книга о том, как формируются прочность убеждений, чувство личного достоинства, требовательности к себе.

Союзник автора этой книги — история. Прослеживая отдельные исторические события поч-

ти за тысячелетний период, он не ставит задачи изложить историю в ее хронологической последовательности. Исторический материал в книге выступает в качестве иллюстрации диалектического развития, событий и явлений, с которыми пришлось столкнуться поколению современной молодежи, поэтому отбор и интерпретация исторических событий, их авторское видение носят личностный характер и могут быть приняты не каждым специалистом-историком.

Автор «Разговора...» с гражданских, патриотических позиций убеждает в необходимости перестройки, с оптимизмом смотрит в будущее. Его оптимизм основывается на убежденности в том, что нам по силам победить все мешающее «жить лучше, чище, полнее, идти вперед быстрее, платить меньшую цену за неизбежные на новом пути ошибки и просчеты» [1].

---

[1] Принципы перестройки: революционность мышления и действия//Правда. — 1988. — 5 апр.

1

«ЖИТЬ, КАК ПРЕЖДЕ,— НЕ МОГУ»

Так называлась статья в «Комсомольской правде». Автор, 25-летний инженер Миннефтегазстроя Е. Талызин, ставил непростой вопрос: как относиться к предшествующему поколению, как осмыслить многие десятилетия истории нашего общества, чтобы, не разрывая уз родства с прошлым, суметь отказаться от ложного наследия и извлечь из опыта дня вчерашнего уроки для дня нынешнего. Он, в частности, писал:

«Революционный процесс перестройки требует резко критического отношения ко многим явлениям окружающего нас бытия, трудовым отношениям, нравственным нормам, моральным критериям. Но ведь все эти нормы и критерии, весь уклад жизни сформированы нашими отцами!.. Речь о людях поколения предыдущего, тех, кто 20 лет назад был, в общем-то, так же молод, как я и ты сегодня. То есть активно действовал в 60—70-е годы, когда в нашем обществе появились застойные явления, притормозилось поступательное движение и стали возникать, потихоньку закладываться основы необходимости сегодняшней перестройки.

Эти явления — результат деятельности (или бездеятельности) живых людей и большого их количества — целых коллективов. Именно тогда возникла в нашем обществе самоуспокоенность, принято было выдавать желаемое за действительное, именно тогда чаще всего дома говорилось одно, а на работе делалось другое, наметился разлад между словом и делом.

Но ведь в широком смысле за все это в ответе наши отцы?

Которых мы любим и не можем не любить.

...Речь не об обычной сыновней любви. Мы не только

дети, мы — воспитанники своих родителей. Для нас родные черты — не только их лицо или руки, но и поступки, способ мышления. Нам близок их взгляд на жизнь, их пристрастия и антипатии — и тут ничего не поделаешь! Выйти из этого тупика, понимая умом всю необходимость духовной перестройки общества, я не могу...»

Редакция газеты попросила меня ответить на это письмо, и, честно говоря, поначалу я встал в такой же тупик, как и его автор. Что отвечать? Что написать в ответ, не кривя душой?

Сказать, что застой — это одно, а «отцы» — нечто совершенно другое, и они к этому не имеют никакого отношения? Но тогда это заведомая неправда! Мы все в ответе за наше прошлое. И отцы, и дети. И деды, и внуки. И уж в особенности каждое поколение в ответе за то прошлое, которое состоялось при его жизни. И уже трижды в ответе — те представители каждого поколения, которые могли сказать, но промолчали, могли выступить, но не выступили или выступили, но таким образом, что лучше бы не выступали.

С другой стороны, сказать, что в застое виноваты огулом и в равной мере все, кто в это время жил, — тоже вопиющая неправда. Не все! И тем более не в равной мере! На этот счет имеется достаточное количество конкретных фактов, в том числе множество опубликованных в печати, в том числе в те же 60 — 70-е годы.

Кроме того, еще большей неправдой было бы утверж дать, будто «явления окружающего нас бытия», которы сегодня, по справедливым словам автора, «требуют резк критического отношения», появились вдруг невесть из чег лишь в 60—70-е годы. Из истории хорошо известно, чт 60-м годам предшествовали 50-е, 40-е, 30-е, 20-е, дорев люционные. И на каждом повороте истории «явлений бь тия», с которыми приходилось решительно бороться, кс торые надо было отвергать во имя совершенно иных «явле ний», было более чем достаточно. Так что к ответственно сти приходится привлекать не только «отцов», но «дедов», а в некоторых отношениях — даже прадедов и бс лее отдаленных пращуров.

Наконец, невозможно без иронической улыбки допу стить предположение, будто «отцы» в чем-то там оказалис не на высоте, а вот их «дети» самих себя превзошли! Смо ря какие «дети». И в чем «превзошли». Иное современно великовозрастное «дитя» даст сто очков вперед в вопроса безнравственности самому мерзопакостному из «отцов

Да, мы начали перестройку, но еще ее не завершили. И не окажутся ли сегодня многие «дети» сплошь и рядом в ситуации своих «отцов»? И не реагируют ли они сейчас на эту ситуацию, как и их «отцы», по-разному: одни вершат перестройку делами, другие плетутся в ее хвосте, просто плывут по течению, куда кривая вынесет, а третьи, бойко прославляя перестройку на словах, всячески тормозят, порой даже явно саботируют ее на деле?

Так что современникам приходится не только определять свое отношение к прошлому, но и на себя самих оглядываться, определять свое отношение к жизни, как делали это «отцы» и двадцать, и сорок, и семьдесят лет назад.

Так что же написать в ответ, чтобы не получилось пустословного и лицемерного поучения? Ибо поучать в таких делах некому. И некого. И вот, после долгих раздумий, я решил, вместо ответа, рассказать о том, что произошло на протяжении предыдущих ста лет в моей собственной семье.

Житейская драма в пяти действиях

Мой прадед родился крепостным, был истово верующим, никогда не покидал пределов родного села, почитая это великим грехом, вообще, наверное, мало чем отличался по образу жизни и мыслей от своего прадеда, а может быть, и от более далеких предков рюриковских времен.

Ребенком я очень любил его, но, конечно, считал себя гораздо образованнее. Еще бы! Мне с четырех лет из книжек было доподлинно известно, что ни бога, ни домовых нет и быть не может, и я тщетно пытался втолковать это 80-летнему старику. Сегодня, на склоне лет, придерживаясь тех же убеждений, я гораздо менее уверен, что образованнее прадеда — в смысле понимания жизни, человечности отношения к ней.

Не знаю, как складывались отношения прадеда с его отцом, но знаю — как с его сыном, моим дедом. Драматически. Потому что произошел «разрыв поколений», намного более сильный, чем тот, о котором твердят теперь на Западе. Дед, обзаведшись, как все, в двадцать лет собственной семьей, вдруг собрался и уехал, как никто до него на селе, путевым обходчиком на только что построенную тогда Забайкальскую железную дорогу. Для всех это было как удар грома. Бросить родной дом! (А дед был единст-

венным сыном.) Бросить землю, на которой его предки крестьянствовали сотни лет! Перестать быть крестьянином и наняться к кому-то на работу, как батрак! Этого старшее поколение не могло простить младшему до конца жизни.

Из первого же годового жалованья дед прислал неслыханную на селе сумму, достаточную для того, чтобы начать перестраивать избу, топившуюся «по-черному», т. е. с очагом на земляном полу и с дырой для выхода дыма на потолке, в новую избу, топившуюся «по-белому», т. е. с печкой и трубой, а также с деревянным полом. В последующем присланных денег хватило, чтобы купить корову и вообще выбиться из бедняков в середняки. Но все это нисколько не поколебало убеждения старшего поколения: крестьянин должен оставаться на своей земле, как бы тяжело ни было и каких бы благ ни сулили в иных краях. Эти слова даже мне приходилось слышать не раз.

Когда, уже после Октябрьской революции, дед вернулся в родное село, это был совсем другой человек: в большей мере рабочий, нежели крестьянин. Так и не осиливший грамоту, уже неверующий, но крестившийся еще на иконы «для порядка», он любил слушать газету (в те времена грамотные читали ее вслух для неграмотных), а затем и радио, под конец жизни смотрел и телепередачи. В отличие от прадеда, для которого вся подобная информация сплошь была «греховодной», а все события вокруг, начиная с дедова отъезда, началом «конца света», — дед, как и подобает рабочему, хорошо осмысливал услышанное и прекрасно разбирался если не во внешней, то во всяком случае во внутренней политике. Сегодня мне кажется, что ему удавалось это лучше, чем его сыну и внуку.

Это не мешало прадеду, на правах старшего, беспрестанно поучать деда, как вести хозяйство. Дед со смирением слушал (тогда еще было принято слушать родителей), но делал все по-своему. Впрочем, недолго, всего какой-нибудь десяток лет. Ах, если бы он знал, что судьба, в лице его собственного сына, заплатит ему той же монетой, что и он — своему отцу! Да еще, пожалуй, монетой гораздо более тяжелого металла...

Мой отец, вернувшись в родное село 14-летним юнцом с четырьмя классами церковно-приходской школы за плечами, занялся самообразованием, вступил в комсомол, тут же стал секретарем волостной комсомольской ячейки, а еще через четыре года прямо из начальной школы попал в комвуз (так тогда именовали партшколы) и в 20 лет был уже членом партии, управляющим губернским трестом

собного нести полную ответственность за свою семью? Очень просто. Сугубо индивидуальный подход: добрая дюжина учителей на каждого ученика (родители, дедушка, бабушка, дядья и тетки, старшие братья и сестры, соседи постарше и т. п.). У одного учителя не поймешь, что к чему, тогда другой объяснит тебе доходчивее. Кроме того, важную роль играли младшие братья и сестры: о них надо было заботиться, а это ускоряет взросление человека сильнее, чем что бы то ни было иное. Кроме того, органическое соединение учебы с самым настоящим производительным трудом — нет эффективнее средства сделать учебу плодотворной. Наконец, овладение профессией. Опыт показывает, что пока молодой человек не овладеет как следует какой-то профессией — в принципе все равно какой, — он так и останется великовозрастным младенцем, будь хоть семи пядей во лбу и прочитай хоть все до единой книги на земле.

Да, сегодня «домашняя школа» устарела и в прежнем своем виде практически невозможна. Дети больше не наследуют профессии своих родителей. На формирование их мировоззрения влияют не только родители, но и газеты, журналы, книги, радио, телевидение, театр, кинематограф, клуб, а также в неменьшей мере — школа и общественное мнение сверстников. Как мы уже говорили, дети и родители не могут уже целыми днями жить и работать бок о бок. Для современного производства подготовка в «домашней школе» явно недостаточна.

Все так. Но разве плохо, что подрастающее поколение сызмальства привыкало заботиться о младших, уважать старших? Разве плохо, что молодой человек в 15 лет становится не только физиологически, но и психологически взрослым, а вскоре и социально зрелым — таким же отцом или соответственно матерью семейства, как и все? Да мы сегодня о такой эффективности образования и мечтать не можем. Разум подсказывает, что мы обязаны перенести в нашу сегодняшнюю семью и школу все позитивное, все конструктивное из «домашней школы». Для нашего же собственного блага. Для блага каждого из нас, и прежде всего — для блага взрослого молодого человека, который противоестественно остается в категории «дети не допускаются» и до 16 лет, и до 20 лет, а в некоторых отношениях не так уж редко и много позднее.

Всесильное некогда общественное мнение окружающих давило тяжким гнетом каждого члена семьи старого типа. Но разве это был только гнет? Нет, общественное мнение успешно предостерегало тебя от разных поспешных и опро-

метчивых решений, оно помогало тебе встать на ноги, если ты слегка оступился(если не слегка, а значительно, то тут уж ничего не поделаешь: ждет тебя тяжкая участь в предостережение другим). Оно предопределяло довольно узкий круг твоего общения, но оно же напрочь избавляло тебя от угрозы одиночества. Оно практически предопределяло выбор твоего спутника жизни, но тебе, если не случалось ничего чрезвычайного, не грозила участь ни старой девы, ни бобыля-холостяка, каких сегодня миллионы и миллионы. Члены семьи старого типа обычно не знали ни мучительной скуки, ни смертельной тоски одиночества, ни трагичного разобщения поколений — разве это не достижения, которые стоит сохранять, упрочивать и приумножать?

И още одна непреходящая ценность — прочность семьи. В семье старого типа развод был практически невозможен. Куда, скажите на милость, денется брошенная мужем мать семейства с детьми на руках мал мала меньше? Да если бы наши прадеды и прабабки вздумали сходиться и расходиться, как сегодня, ограничиваясь одним ребенком, а то и вовсе сознательно отказываясь от детей, — нас с вами попросту на свете бы не было. И традиции, нравы, обычаи, освященные к тому же религией, категорически запрещали развод, позволяли презрительно третировать женщину, почему-либо не имевшую детей.

Все это для нас сегодня неприемлемо. Но разве приемлемо, что сегодня миллионы людей и до 30, и до 40 лет, и до самой своей пенсии так и остаются без собственной семьи? Что каждый год прибавляются сотни тысяч детей, чьи отцы покинули семью, и еще сотни тысяч, где дети вообще не знают отца? Все газеты обошла догадка одного четырехлетнего мудреца, который, наконец, сообразил, зачем человеку две руки: одной держаться за маму, а другой — за папу. И вот этой возможности лишены миллионы. А что такое жить одиночкой? Спросите-ка кого-нибудь из одиночек поумнее и почеловечнее. Они вам расскажут, какое это «счастье» на всю жизнь.

Отвергая патриархальщину, мы не должны вместе с ее мутной водой выплеснуть и ребенка — как в переносном, так и в самом прямом смысле слова. Надо подумать о счастье миллионов наших детей, которое — подлинное и полное счастье — немыслимо без прочной и счастливой семьи.

Совместный труд родителей и детей, «домашняя школа», прочная семья, забота окружающих о каждом члене общества — все это такие драгоценные крупицы народной

мудрости, которые позволили народам веками и тысячелетиями выживать в тяжелейших условиях, нередко на грани катастрофы. Которыми не пренебрегать бы, а заботливо пересаживать на нашу сегодняшнюю почву, с учетом особенностей современного городского образа жизни. В том числе и силами подрастающего поколения. Возьми на себя равную долю домашнего труда со взрослыми — тогда требуй отношения к себе как ко взрослому. Это и будет первый шаг к тому естественному положению вещей, которое всегда отличало историю человечества минувших времен.

Возьми на себя равную со взрослыми долю забот о состоянии школьного здания, школьных помещений, пришкольного участка. Отнесись по-взрослому, не по-детски к своей учебе. Это и будет вторым шагом в том же направлении.

Возьми на себя равную со взрослыми долю забот о благоустройстве твоего города, твоего села, их окрестностей, о надежной охране окружающей природной среды, наконец, о твоем собственном досуге. Это и будет третьим шагом.

Наверняка имеются возможности и для четвертого, десятого, сотого шага.

Как знать, может быть, таким путем мы вновь будем видеть в 15—16 лет социально зрелых людей? Пусть им не придется вскорости обзаводиться собственными семьями, как прежде. Пусть не придется выхаживать десятерых детей, чтобы выходить хотя бы троих. Но ведь у них задачи не менее сложные: стать хозяевами компьютерной техники XXI века и, во всеоружии этой техники, поднять человеческую цивилизацию еще ступенью выше.

Для этого надо, как и тысячу лет назад, стать во всех отношениях взрослым в 14 лет — возраст, когда и сегодня принимают в политическую организацию взрослых.

Во имя блага твоего народа.

Во имя твоего же собственного счастья.

3
«ЕСЛИ БЫ МЫ В 1917-М...»

Пока первобытный человек охотился да собирал съедобные плоды и коренья, воевать друг с другом было бессмысленно. Ну, допустим, одолеешь супостата — и что же ты будешь с ним делать? Пригласишь вместе поохотиться или пойти по грибы-ягоды? Можно, конечно, зажарить и съесть побежденного или, на худой конец, снять с него скальп, чтобы похвастать перед женским полом, вернувшись домой. Но это будет уже не война, а разновидность охоты. Не все же были людоедами! Да и в людоеды-то подавались обычно, когда было плоховато с другим провиантом. А так — гораздо плодотворнее во всех отношениях охотиться на диких оленей или коз, даже на мамонта, нежели на человека. В последнем случае намного больше шансов, как говорится, пойти за шерстью, а вернуться остриженным.

Положение коренным образом изменилось, когда человек ухитрился приручить животных, научился сажать в землю семена злаков и перешел от собирательства и охоты к земледелию и животноводству. Тут же выяснилось, что земледелец и пастух, в отличие от собирателя-охотника, не только может прокормить себя и свою семью, но и еще коечто оставить про запас. А сотня земледельцев и пастухов вполне способна прокормить и себя, и еще целую семью, сельским хозяйством не занимающуюся. Например, семью вождя или жреца. А сотня тысяч земледельцев и пастухов вполне способна прокормить целую ораву вождей и жрецов вместе с их прислугой, женами и детьми.

С этого момента война обрела корыстный смысл и сделалась выгодным ремеслом. Нападешь на соседа, ограбишь его, наложишь на него дань, наберешь на эти средства побольше грабителей-воинов, нападешь на другого, соберешь

еще больше дани, наберешь еще больше грабителей — и пошло-поехало, пока не получишь отпор или другой разбойник, посильнее, не одолеет тебя самого и не начнет брать дань с твоих собственных пастухов и земледельцев.

И ведь судьба сплошь и рядом жестоко карала почти каждого грабителя, избирая обычно своим орудием, как мы уже говорили, его собственного сына. Награбит грабитель богатств, возляжет на коврах, начнет обжираться разными яствами, рядиться в пышные наряды, требовать себе десятки и даже, случалось, многие сотни жен, разумеется, вконец подорвет свое здоровье сидячим образом жизни, обжорством, развратом — и отправится в мир иной. А избалованный сын с малолетства привыкает к такой вот жизни, оказывается неспособным управлять своим государством и даже разбойничать, пускает по ветру богатство и могущество отца, после чего находится кто-нибудь из воинов понаглее — захватывает власть, и все начинается сначала. А если сын и удерживается каким-то чудом на троне до своей естественной смерти, то уж внук при подобном воспитании наверняка вырастает кретином, и фактическая власть легко переходит в руки наиболее влиятельного из придворных. В Древнем Египте за четыре тысячи лет его существования сменилось таким образом несколько десятков династий, и каждый дворцовый переворот до тошноты походил на предыдущий в только что описанном духе.

Впрочем, разве нечто подобное не происходит порой и сегодня? Отец — очень энергичный, деловой человек. Но избаловал сына, и тот, выросши, стал отъявленным тунеядцем, не вылезает из ресторана, проматывает отцовское наследство. А внук при подобном папаше, естественно, натуральный дегенерат. И конец династии.

Однако человеку свойственно всегда надеяться на лучшее. И каждый грабитель, видя прискорбную судьбу своего предшественника, шаг в шаг повторял его путь, рассчитывая, что уж он-то составит исключение из общего правила, что его род будет править и грабить века, тысячелетия. Да и как отказаться от грабежа и следующего за ним тунеядства? Жажда власти, упоение властью, низкая лесть подданных, головокружение от успехов, полная потеря способности трезво оценить происходящее вокруг себя — все это засасывает человека, как трясина. Да и верноподданные подталкивают на дальнейшие грабежи, норовя урвать от них свою долю. Не возглавишь грабительский поход — его возглавит кто-нибудь другой, а тебя найдут в шатре отравленным или с кинжалом в спине.

Я — вождь земных царей и царь, Ассаргадон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!
Едва я принял власть, на нас восстал Сидон.
Сидон я ниспроверг и камни бросил в море.
. . . .
Кто превзойдет меня? кто будет равен мне?
Деянья всех людей — как тень в безумном сне,
Мечта о подвигах — как детская забава.
Я исчерпал до дна тебя, земная слава!
И вот стою один, величьем упоен,
Я, вождь земных царей и царь — Ассаргадон.

И ведь никто не мог сказать извергу голосом Высоцкого: да не ассаргадон ты вовсе, а бандит обыкновенный, сколько смертей и горя людям принес! Попробуй скажи — в бараний рог скрутит.

Ассаргадоны местного значения

По селениям народов Средней Азии и Закавказья за многие тысячи лет истории их цивилизации таких ассаргадонов прошли сотни. Как доморощенных, так и особенно пришлых. Можно только диву даваться, как сумели эти народы устоять перед сплошными волнами — одна за другой — лютых насильников и грабителей.

На севере Европы тоже сменяли друг друга такие же волны одна за другой — кельты, германцы, славяне, угрофинны... И между собой, и друг с другом, а порой прокатится совсем уже не волна, а настоящее цунами, не просто грабящее, а напрочь сметающее с лица земли или увлекающее за собой в качестве пособников грабителей. Например, гунны в середине первого тысячелетия нашей эры.

Не успели народы Европы опамятоваться после гунского урагана (сами гунны исчезли в водовороте других нашествий и контрнашествий), как с противоположной, северо-западной стороны над ними нависла другая опасность: норманны, «северные люди»!

Механизм нашествий в те времена был самым примитивным. Упадет где-то, в силу благоприятного стечения обстоятельств, детская смертность, появится намного больше молодежи — ее бы на умножение пахарей, пастухов, рыбаков, а какой-нибудь ассаргадон местного значения собирает из них многотысячную банду и кидается грабить соседей, пока не окажется истребленным цвет юношества

своего народа. Так было и с гуннами, и с арабами, и с норманнами, и с татаро-монголами, и с турками, и со множеством других племен и народов.

Тысячу лет назад германские племена варягов-норманнов на побережье Скандинавии размножились неимоверно. Их вожди-князья (конунги) стали собирать ватаги витязей (викингов), которые на морских ладьях нападали на приморские селения почти всех стран Европы. Не обошли они и нашей страны. Воспользовавшись междоусобицей славянских вождей, один из конунгов со своей дружиной подчинил себе восточно-славянские племена в Приильменье и по Днепру (по важному тогда торговому пути «из варяг в греки» — из Балтийского в Черное море) и основал обширную империю, которую мы теперь знаем под названием Киевская Русь.

В угоду потомкам и преемникам этого конунга-князя была разработана целая «теория», согласно которой варяги якобы принесли славянам более высокую культуру и государственность. Более основательные исторические исследования показали, что это не так. Германские племена в те времена находились примерно на одинаковом уровне культуры со славянскими и ничего более высокого по части культуры принести с собой не могли. Просто разбойник посильнее одолел таких же разбойников послабее, подчинил их себе и все вместе тут же отправились грабить еще одного разбойника — Византийскую империю, восточную половину развалившейся Римской империи. Нападали на нее, требуя добычи, до тех пор, пока не пришлось самим обороняться против новых разбойников — печенегов и половцев, нападавших на Русь с юго-востока.

В том, что норманны захватили власть на Руси (кстати, они быстро обрусели и полностью восприняли местный язык и культуру), не надо видеть ничего для нас унизительного. Та же судьба постигла Северную Францию, где до сих пор существует провинция Нормандия, Англию, южную и восточную Ирландию, Сицилию, южную Италию. Что мог сделать местный царек, когда перед его городом вдруг появлялась сотня, а то и несколько сот морских ладей, с каждой из которых раздавался воинственный клич почти полусотни воинов? Соотношение сил в каждом случае было подавляюще превосходящим в пользу внезапно напавших. Дальше события разворачивались так, как это приблизительно показано в фильме «Викинги» (надеюсь, виденном читателями), и либо город разоряли дотла, либо он откупался огромной данью, либо полностью подчинялся

захватчикам, а население, вместо того чтобы платить дань прежнему властителю, начинало платить примерно такую же дань новому.

Не надо изображать восточноевропейскую империю варягов каким-то исчадием ада. В точности такими же были империя Карла Великого на западе, хазарский каганат на востоке, Византийская империя и арабский халифат на юге. И характер, и судьба всех пяти империй были в основном и главном одинаковыми. Иных вариантов не имелось.

Но не надо изображать Киевскую Русь и какой-то райской идиллией. Нельзя забывать, что во главе государства во всех пяти империях, как и во всех без исключения империях мира до и после описываемых времен, стоял грабитель, единственной целью, единственным смыслом существования которого было — награбить возможно больше. Всеми доступными средствами, включая самую зверскую жестокость и самое подлое вероломство.

В начале древнерусских летописей мы читаем историю о том, как один из первых варяжских конунгов, осевших на Руси, — князь Игорь (Ингвар — «молодой воин» по-варяжски) — отправился в свой обычный ежегодный осенний поход по городам и весям собирать дань. Обобрав одно из племен, он двинулся в земли следующих, подлежавших ограблению. Вдруг ему показалось, что ограбил людей не дочиста. Решил вернуться. При этом грабитель был так уверен в своей безнаказанности, что вернулся лишь с небольшим отрядом дружинников. Можно себе представить степень отчаяния ограбленных, когда их начали разорять по второму разу, обрекая, видимо, на голодную смерть, если они решили восстать против насильника, хотя наверняка знали, что последует карательная экспедиция. Не знаем насчет отчаяния, но степень ожесточения доведенных до крайности людей была такова, что разбойника-князя привязали к согнутым молодым березам и, отпустив деревья, разорвали Игоря на части.

А затем последовала неизбежная и неумолимая расправа. Восставшие послали посольство в Киев, изъявляя покорность и готовность платить дань. Посольство обманом заманили в город и предали мучительной казни: всех закопали заживо в землю. Потом подступили с войском к городу восставших, сожгли его дотла и перебили массу людей на страх всем остальным. Да еще придворные холуи живописали все это зверство как несусветную доблесть жены Игоря — княгини Ольги (Хельги — *«светлой, освященной»* по-варяжски).

С тех пор и до октября 1917 г. вся тысячелетняя история государства российского, как и всех прочих государств мира (не путать с историей народов, с историей культуры!), являла собой бесконечное повторение в разных вариациях только что помянутых событий. Грабеж, еще раз грабеж, еще тысячу раз грабеж, восстание обездоленных, доведенных до отчаяния людей, свирепая расправа — и снова грабеж, измывательства, отчаяние без конца. Нам мало известно о веках отдаленных, но вот последние века: начало XVII века — крестьянская война под водительством Болотникова; вторая половина того же века — крестьянская война под водительством Разина; начало XVIII века — волна восстаний в Астрахани, на Дону, в Башкирии; вторая половина того же века — крестьянская война под водительством Пугачева; первая половина XIX века — восстание «военных поселян», т. е. крестьян, которых заставили по сути отбывать и солдатчину; вторая половина того же века — нарастающая лавина крестьянских восстаний, вынудившая, наконец, правительство пойти на отмену крепостного права; начало XX века — новая лавина крестьянских восстаний, вынудившая правительство отменить некоторые наиболее вопиющие пережитки крепостничества. В этом последнем случае выступления крестьян шли уже в общем русле первой русской революции, авангард которой составляли рабочие. И каждый раз — виселицы, массовые расстрелы, массовые порки до полусмерти, тысячи и тысячи в кандалах по «Владимирке» в Сибирь.

А в промежутках — десятки и сотни восстаний масштабами поменьше, тысячи и тысячи крестьянских и рабочих бунтов, которые подавлялись столь же остервенело.

Моя родная Лада только за полвека восставала дважды: в 1856 и в 1906 гг. В обоих случаях притеснения становились невыносимыми, а финал выступлений был один и тот же: прибывала из уездного Саранска команда солдат, крестьян сгоняли на площадь перед церковью, безжалостно секли до потери сознания под надрывный бабий вой, опустошали избы, как захватчики, и уходили обратно в Саранск, увозя связанных «зачинщиков» в городскую тюрьму. Рассказы об этом я не раз слышал мальчишкой от прадеда. «Божья воля» — заключал каждый раз он, разводя руками. И такая вот «божья воля» повторялась каждый год десятки раз, то в одном конце страны, то в другом.

Жажда власти и поживы туманила разум тьме макси-, миди- и мини-ассаргадонов, подавляла в них все человеческое. Какая там забота о тех, кто платит дань, — они и

о своем-то государстве, о себе самих в безудержном честолюбии и алчности позаботиться не могли. Первые бандиты-конунги, которые дорвались до власти на Руси, и понятия о государственных интересах не имели. Как и подобает бандитам, они видели в землях под своей властью объект грабежа — и только. Обзаведшись семьями, стали раздавать города в «кормление» сыновьям. Старшему — город (и, стало быть, дани с него) побольше, младшим — поменьше. Умирает старший — братья-разбойники соответственно передвигаются из города в город покрупнее. Естественно, меж ними разгорается вражда и междоусобица. Естественно, каждый норовит обособиться и подмять других под себя. Начинаются кровопролитные войны друг с другом. Кого-то предательски убивают, кого-то заманивают и выкалывают глаза, против кого-то выступают в союзе с опустошающими города и деревни печенегами и половцами. Русь раздроблена и обессилена. И страдания народные умножаются тысячекратно.

Были грозные предзнаменования похуже солнечного затмения, о коем сообщалось в летописях. Был поход против половцев еще одного князя Игоря, преданного другими князьями и разгромленного превосходящими силами врага. Об этом — горькие строки «Слова о полку Игореве». Был поход нескольких князей навстречу первой волне татаро-монгольского нашествия. Снова разрозненные отряды, не поддержанные войсками других князей, потерпели поражение от более сильного и, главное, более дисциплинированного противника. Князья приняли мученическую смерть, придавленные досками, на которых пировали победители. Нет, не помогли столь ужасные предостережения. Не поняли их. Не дошло до сознания. Жажда власти и поживы оказалась сильнее.

И вот накатилась вторая волна нашествия. Поодиночке, одно за другим опустошены почти все княжества. Горят города. Уводят в рабство пленников. Накладывается дань еще более чудовищная — даже по сравнению с предыдущей. Чтобы собирать ее, чтобы княжить, нужен «ярлык» от хана-завоевателя. Для этого, в свою очередь, нужны подарки хану и его приближенным, низкая лесть, происки-интриги, поклепы на соперников. Все, что несет на себе печать человеческого достоинства, истребляется саблей и ядом. Лезет к власти приказчика завоевателей и к поживе все самое хитрое, подлое, раболепное. Это тяжкое духовное наследие двухсполовинойвекового ига, эта хамско-холуйская психология правящего класса будет сказывать-

ся потом в истории государства столетиями и столетиями. И страдания народные будут умножаться и умножаться.

А потом самый хитрый и самый алчный из князей все-таки перехитрит хана, добьется того, чтобы ему не помешали подмять под себя соседних князей, захватить их города и земли. Сыновья и внуки этого князя продолжат его дело, соберут русские земли вокруг Москвы, дадут захватчикам победное сражение на поле Куликовом, выстоят еще десятки набегов и, наконец, заставят орду отхлынуть назад в степи, лишив ее ханов навсегда и власти, и дани. Затем сами двинутся против них. И падет Казанское ханство, Астраханское ханство, Сибирское ханство, позже — Крымское ханство, ханства на Кавказе и в Средней Азии.

Тут важно вот что иметь в виду. Когда Ермак со своими казаками громил отряды сибирского хана Кучума, он безусловно выступал в роли завоевателя. Совсем как Кортес в Мексике или Писарро в Перу. Но ведь и Кучум, подобно ацтекским царькам или перуанским инкам, не имел ничего общего со светлой личностью гуманиста. Глупо жалеть о нем. Он был такой же хищник, обиравший свой народ и при первой же возможности кидавшийся грабить соседей. А на родине у Ермака, Кортеса, Писарро продолжали свирепствовать туземные кучумы местного происхождения, ничуть не уступавшие сибирскому по своей лютости. Вот почему в равной степени глупо и безнравственно как превозносить лихость «своих» (т. е. принадлежащих к твоему народу) завоевателей, так и сюсюкать сочувствующе в адрес их жертв — их соперников по разбою. Сочувствовать надо только народу — и тому, кто усеивал своими костьми дороги завоеваний, и тому, кто становился жертвой завоевателя. Это называется классовым подходом — в противоположность националистическому, когда болеют только за «своих», из кого бы ни состояла и что бы ни делала «своя» команда.

Сказанное относится, понятно, не только к Ермаку и Кучуму — ко всем завоевателям и завоеванным с древнейших времен до наших дней.

Обесчестить, чтобы бесцеремоннее грабить

Итак, против грабителей нужна сила. Если на тебя наваливается свора грабителей — приходится отдавать кошелек, платить дань. Говорят, что даже Ленин, когда ехал

без охраны и его автомашину остановили вооруженные грабители, посоветовал сопровождавшим откупиться, выбрать наименьшее зло. Но если тот, на кого нападают, имеет возможность вступить в переговоры о размерах дачи, — он безусловно сделает это. А грабителю важно, чтобы его жертва безропотно отдалась на его произвол, делала все, что от нее потребуют, без дальнейших усилий со стороны насильника. А для этого мало ограбить человека, так сказать, только материально. Его надо ограбить еще и духовно, унизить, растоптать, заставить ползать у ног и лизать сапоги грабителя, вытравить напрочь у человека всякое воспоминание о человеческом достоинстве.

И надо сказать, за тысячелетия истории человечества ассаргадоны всех времен и народов весьма преуспели в этих своих стараниях. Главными инструментами в этом были религия и тотальное истребление малейшего намека на свободомыслие, малейшего воспоминания о том, что человек — это прежде всего Человек Разумный.

В отношениях религии надлежит сделать существенную оговорку. Религия относится к области веры, которая намного шире сферы религии и тем более церкви. Это очень деликатная, ранимая область внутреннего, духовного мира человека. Мы мудро сопрягли этот мир с понятием совести. В соответствии со статьей 52 Конституции СССР гражданам страны гарантируется свобода совести, т. е. право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду; возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается.

Атеистическая пропаганда должна быть прежде всего аргументированной, убедительной.

В то время, когда незабвенный Остап Бендер атаковал ксендзов с кличем «А бога нет!», я, четырехлетний, проводил среди своей бабушки и прадеда идеологическую работу на том же примерно уровне, а бабушка, добрейшая душа, гладила меня по головке и приговаривала: «Успокойся, родимый, остудись!» Теперь становится, конечно, стыдновато.

Если же говорить об истории, то нельзя забывать, что монастыри, например, как владельцы земель и крепостных, ничем не отличались от князей и бояр, но вместе с тем, как справедливо замечает академик Д. С. Лихачев, в те времена в них теплился огонек грамоты и культуры — трудно ему было тогда гореть вне монастырских стен! В период феодальной раздробленности церковь выступала за един-

ство страны, против междоусобиц. Она вдохновляла народ на борьбу с иноземными захватчиками. И она же, случалось, протестовала против особенно жестоких форм насилия и произвола.

Словом, роль религии в истории каждой страны, в том числе и нашей, заслуживает особого, обстоятельного разговора. Здесь мы хотим напомнить лишь, что ассаргадоны всех мастей бесцеремонно попирали не только народ, но и религию, веру народа, ставя ее на лакейскую службу себе и тем самым усиливая духовное закрепощение народа.

В эти годы, когда отмечается тысячелетие христианства на Руси, нелишне напомнить, что вводили его военно-полицейскими методами. Когда в княжеском тереме решили, что переход от язычества к «греческой вере» сулит весомые выгоды, старая вера была без церемоний растоптана, боготворимые людьми языческие идолы свергнуты со своих пьедесталов и уничтожены дружинниками; всем, кто пытался отстоять старую веру, понятно, не поздоровилось. Кстати, такого рода действия были многократно повторены во многих странах мира, и даже сформулирован принцип, по которому устанавливалась религия каждого подданного: «Чья власть — того и вера!», т. е. какой религии придерживается властитель, такую же должен, обязан под страхом расправы исповедовать и каждый из его подданных.

В те годы это была для массы простых людей такая же трагедия, как если бы кто-нибудь вдруг вздумал вводить сейчас самые страшные формы язычества и тащить наших детей на заклание в жертву идолам. При всем том, однако, это был, конечно, прогрессивный шаг, приобщавший людей к более высокой культуре.

А сколько было гонений на малейшие отступления от канонов официальной церкви! Еретиков сжигали на кострах, гноили в тюрьмах, разоряли в прах целыми деревнями. Напомним, к слову, что гнать и разорять продолжали до самого 1917 г. Официальный термин «иноверец» (нехристианин) означал нечто вроде «недочеловека», «человека второго сорта», которого можно было гнать всем кому не лень.

Сами князья не очень стесняли себя по части христианской морали и даже церковных обрядов. Образно говоря, они только тем и занимались, что каждодневно нарушали все десять заповедей, начиная с «не убий», и кончая «не пожелай чужого». От них впоследствии ничем не отличались по этой части московские цари и российские императоры —

от Ивана IV до Николая II (за исключением, пожалуй, сына Ивана — царя Федора Иоанновича, но и того лишь в силу его слабоумия). Иван IV совершил столько гнусных злодейств — до собственноручного убийства своего старшего сына и приказа задушить противоречившего ему митрополита Филиппа, что их с избытком хватило бы на все трагедии Шекспира. Сам антихрист не мог бы вести себя более антихристиански — и тем не менее его продолжали чествовать и похоронили как царя-христианина. Петр Первый, со своим «всешутейшим собором», под пьяную руку открыто глумился над церковными обрядами. Он начал с того, что ограбил церкви, а кончил тем, что превратил священников всех степеней в разновидность своих чиновников, управляемых, вместо патриарха, особой канцелярией — синодом, в каковом качестве они и оставались до самой Октябрьской революции. Наконец, чтобы не останавливаться на греховодствах прочих монархов, напомним о жуткой фигуре Распутина — пьяницы, блудодея и ворюги, заменившего своей персоной для семьи Николая II в последние годы его царствования и веру, и религию, и даже действительных тайных советников царя.

Каков мог быть результат многовекового надругательства над душами людей? Только душевное смятение и ожесточение. А ведь большинство из них, спустя века после крещения, были истинно верующими. Каково им было видеть кричащий разлад между библейским словом и житейским делом? Страдания физические усугублялись страданиями духа — тем горшими, что духовному насилию приходилось покоряться так же, как требующим дани. И уж если в сравнительно безобидных вопросах религии ассаргадоны и их сатрапы свирепствовали как душегубы, то нетрудно представить себе, что творилось, когда возникали малейшие подозрения относительно благонадежности человека в смысле безропотного подчинения насилию, грабежу, глумлению. Дыба, кнут, виселица, плаха работали беспрерывно всю тысячу лет существования государства российского, и прежде всего — так только поступал донос об «оскорблении величества», т. е. протесте против властей. Вырвать язык, вырвать ноздри, заклеймить каленым железом и отправить на бессрочную каторгу, забить плетьми до смерти, четвертовать, колесовать, закопать живым в землю — и все это за одно неосторожное слово, с отчаяния или вгорячах произнесенное.

Неудивительно, что при таких условиях за тысячу лет в стране постепенно у подавляющего большинства населе-

ния сложился настоящий культ раболепия, выработалась «рабская психология» снизу доверху, от крестьянина и до ближайших сановников царя. Самый последний сельский урядник или городской полицейский-будочник мог ни за что избить в кровь любого крестьянина или мещанина, посадить его без суда и следствия в кутузку и разорить дотла. То же самое мог проделать над крестьянином любой помещик. Да что там избить — безнаказанно убить! В свою очередь, урядник и будочник тянулись в струнку перед офицером, чиновником, которой мог ударом кулака своротить скулу, выдрать ус, стереть с лица земли. Но и чиновник подобострастно гнулся перед сановником, от которого полностью зависела его судьба: замолвит слово — новый чин или орден, а попадешь в немилость — отставка, нищета, погибель для всей семьи. Наконец, и сановник трепетал перед царем как последний лакей: сегодня он, скажем, боярин или (позже) министр, а завтра его безо всякого видимого повода ссылают в тьмутаракань и он — никто и ничто. И только царь мог глумиться над всеми, ни на кого выше не оглядываясь, что он обычно и проделывал, считая себя, как уже говорилось, «в своем праве».

Ленинские слова дореволюционных лет (декабрь 1914 г.): «Никто не повинен в том, если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство... такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам» (ПСС, т. 26, с. 108).

Вот таких холуев и хамов сверху донизу старательно воспитывали преемники разбойников-конунгов на протяжении тысячи лет своего разбойничьего правления на Руси. И надо сказать, немало преуспели в своих стараниях. Читаешь в классической литературе о забитом мужичонке, об унтере Пришибееве, о помещике Ноздреве — все ведь не выдумка, а типичнейшие персонажи тех времен; читаешь свидетельства современников о совершенно реально-исторических хамски-холуйских фигурах сановников — таких, как, скажем, Малюта Скуратов, Меншиков, Бирон, Аракчеев, Победоносцев и т. д. без конца, — и думаешь: неужели в такой стране могла пробиться хоть искорка человеческого разума, человеческого достоинства? Кажется, все духовно забиты насмерть.

А ведь пробивались искра за искрой — и еще какие! И из искр, попавших в горючее горе-отчаяние народное, вспыхнуло пламя, Пламя революции.

XVII век. Один из первых русских писателей, чьи про-

изведения дошли до нас, — протопоп Аввакум. Нам сейчас трудно не то что разделять — даже понять многие его взгляды, пафос его борьбы против официальной церкви. Но одно более чем понятно: талантливый человек мог преуспеть на обычной холуйской стезе, а предпочел мученическую смерть на костре. Только и исключительно во имя своего человеческого достоинства.

XVIII век. Появляются первые просветители — Новиков, Радищев и другие. Какой контраст с придворными холуями! Какое величие духа, какое благородство и глубина мысли! Судьба вновь мученическая. Светлая память в веках.

Это уже не протопоп Аввакум. Это — передний край мировой общественной мысли второй половины века.

Первая четверть XIX века. Одиночек-просветителей сменяют сотни революционеров-декабристов. О них мы имеем более отчетливое представление. «Проходили» в школе. Это люди типа Чацкого из бессмертного грибоедовского «Горя от ума», типа князя Андрея и Пьера Безухова из «Войны и мира» Л. Толстого. Плохо только что «проходили», как водится, большей частью казенно-формально. «Проходили» — и прошли без особых впечатлений. Увернулись от очередной двойки — и ладно.

Попробуйте перечитать еще раз. Уже не на отметку (чтобы опять не пройти мимо), а чтобы уразуметь и прочувствовать.

За полвека до декабристов выходец из обедневшей дворянской семьи подпоручик Мирович пытался произвести очередной дворцовый переворот — освободить из Шлиссельбургской крепости и возвести на российский престол вместо только что захватившей его Екатерины II еще одного претендента — сына правительницы России в 1740—1741 гг. Анны Леопольдовны, императора Ивана VI, заключенного туда во младенчестве еще одной «захватчицей престола», императрицей Елизаветой Петровной. Но там все было ясно. В случае успеха захудалый подпоручик в тот же день автоматически превращался в фельдмаршала, графа, князя, владельца десятков сел и сотен деревень с десятками тысяч крепостных, обладателя колоссального состояния. Крупный куш отхватывали и прочие участники заговора. А все прочее оставалось, как говаривали тогда, в первобытном состоянии. Примеров таких чудес на памяти участников попытки переворота было предостаточно.

А декабристы? Среди них были и бедные подпоручики, и блестящие гвардейские полковники, представители знат-

нейших семей, наследники огромнейших состояний. Были умнейшие молодые люди, которым, при малейшей изворотливости, открывалась прямая дорога в генералы, сановники, к вершинам карьеры, как ее понимали карьеристы. Они предпочли путь, который — и они понимали это—был чреват большой опасностью не только для их положения в обществе, но для самой их жизни. Предпочли, потому что чувство Долга (с большой буквы), чувство человеческого достоинства, понимание смысла жизни — как они понимали его — побуждали их выбрать только этот путь, и никакой иной. Сегодня мы можем критиковать их мировоззрение, указывать на ошибки в их деятельности (глас народа: задним умом каждый умен, да что толку в нем!). Но нет и быть не может человека, достойного называться человеком, который не поклонился бы памяти декабристов, их самоотверженности ради блага народного, их рыцарственности в самом высоком значении этого слова.

Остальные три четверти XIX — начало XX века. Революционеров-декабристов сменяют сотни, а затем тысячи, а затем десятки тысяч революционных демократов. Появляется марксистская социал-демократическая рабочая партия. Из нее выделяется партия большевиков — людей, решительно настроенных на то, чтобы свергнуть грабителей. Здесь вряд ли уместно излагать историю революционного движения в России. Да и невозможно сделать это ни в нескольких строчках, ни даже на нескольких страницах. Мы хотим лишь подчеркнуть прямую преемственность большевиков по линии просветители — декабристы — революционные демократы. То же самоотвержение во имя блага народа. Та же возвышенная одухотворенность. Та же жизнь во имя великой идеи свободы, справедливости, всеобщего счастья людского. Можно сказать, характеристика личности этих людей полностью укладывается в слова их же собственной песни:

Вы жертвою пали в борьбе роковой,
Любви беззаветной к народу,
Вы отдали все, что могли, за него,
За честь его, жизнь и свободу!

Всякое случалось в революционном движении. Бывали и провокаторы, предатели, отчаявшиеся, омещанившиеся. Бывали и честолюбцы, норовившие подчинить себе товарищей по партии в угоду своим амбициям. Бывали тягостные, порой трагические ошибки и заблуждения. Была непримиримая борьба идей, которая иным сегодня показалась бы чересчур непримиримой. Да ведь легко воображать

себя на месте революционеров — нелегко быть на их месте. И разве это «всякое» определяло место революционеров в истории, их суть, их лицо? Достаточно сравнить тогдашнего типичного обывателя — сверчка, знающего свой шесток, каким бы он, этот шесток, ни был, — и типичного революционера того времени, чтобы категорически не согласиться отнести их к одной и той же разновидности рода людского, чтобы преклониться перед величием духа последнего и, в лучшем случае, пожалеть первого. Впрочем, такое отношение складывалось к тому и другому в глазах подавляющего большинства молодежи с незапамятных времен. А к концу XIX — началу XX века сложилось окончательно. Всей России были известны поэтические строки молодого писателя, выступившего под псевдонимом Максим Горький:

«Чайки стонут перед бурей, — стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.

И гагары тоже стонут, — им, гагарам, недоступно наслажденье битвой жизни: гром ударов их пугает.

Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах... Только гордый Буревестник реет смело и свободно над седым от пены морем!..

— Буря! Скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим гневно морем; то кричит пророк победы:

— Пусть сильнее грянет буря!»

Без сомнения, было бы неправильно сводить всю историю России, как и любой другой страны мира, только к борьбе угнетенных против своих угнетателей. Люди добывали в поте лица хлеб свой, печалились своими печалями и радовались своим радостям. Вспахивали пашню, строили дома, прокладывали дороги, делали научные открытия, создавали великие произведения литературы и искусства. Жизнь шла своим чередом. Но эта жизнь включала и наглый грабеж, да еще с выворачиванием рук за спину, с затыканием рта кляпом, чтобы ограбленный не сопротивлялся и не протестовал, да еще с оболваниванием жертвы таким образом, чтобы она пресмыкалась у ног грабителя в холуйском смирении. Ясно, что такая жизнь не могла не порождать протеста, сопротивления — и действительно порождала его. Грабить — это грабителю удавалось. Но обесчестить ограбляемого, чтобы можно было грабить еще бесцеремоннее, — этот номер не проходил. Чувство человеческого достоинства у тех, кого грабили, оказалось сильнее, чем все зверства и ухищрения тех, кто грабил. И это не могло не привести к революции.

Когда на страну нападает захватчик, кто-то впадает в отчаяние, кого-то одолевает безразличие ко всему, кроме собственной шкуры, кто-то начинает даже подлаживаться к оккупантам, служить им, как пес хозяину. Но ведь все, у кого чувство долга перед своим народом, перед своей страной, чувство человеческого достоинства, чувство возмущения и протеста оказываются сильнее опасений за собственную жизнь-существование, поднимаются на борьбу, вливаются в движение сопротивления. Какая разница, напал грабитель вчера или тысячу лет назад? Раз он тысячу лет подряд грабит и угнетает — он захватчик, оккупант, насильник в своей собственной стране. И отношение к нему — как к смертельному врагу. И рано или поздно наступает последний, решительный бой.

Встает проклятьем заклейменный

...Если бы мы в 1917-м, разглагольствует в компании очередной вещун, были на их месте, то мы бы то да се, да пятое-десятое...

Что он знает о 1917 г., о людях того времени, об их жизни, об их бедствиях, об их отчаянии и степени ожесточения?

Мысленный взор историка переносит меня в начало XX века. В избу, хату, саклю, юрту бедняка (напомним еще раз, что в деревне проживало тогда более 4/5 населения страны, а из них, в свою очередь, подавляющее большинство составляли бедняки). Вижу убогое жилье, испуганные лица голодных детей. Нагрянуло местное начальство взыскивать задолженность по налогам. Откуда взять денег при такой нищете? И вот сводят со двора последнюю козу, описывают на продажу нехитрую крестьянскую утварь. Обрекают уже не просто на нищету — на нищенство. А ведь не ленились — работали как прóклятые. Может быть, действительно прóклятые какой-то сверхъестественной силой ни за что ни про что? А рядом сияет окнами дом кулака-мироеда, у которого все в долгу, как в шелку. А поодаль — помещичья усадьба, где сказочно сытая, роскошная жизнь. Ее владелец имеет больше земли — единственной спасительницы от голодной смерти, чем все крестьяне в округе, вместе взятые. Как вы думаете, какие чувства обуревали крестьянина-бедняка, когда прямо перед ним стоял вымогатель, слева на своем крыльце ухмылялся ку-

лак, к которому предстояло идти в кабалу, а справа на веранду помещичьего дома выходил еще один лютый враг, от милости которого полностью зависела судьба жителей деревни?

Не каждый имеет возможность ознакомиться с подлинными архивными документами той эпохи, по которым наглядно прослеживается нарастание ожесточения в этом вековом противостоянии угнетателей и угнетенных. Но каждому по силам прочитать художественную классику прошлого — начала нынешнего века, где все это живописуется достаточно ярко и убедительно. Не революционерами — просто людьми, у которых сердце кровью обливалось при виде страданий людских. И если классика кажется скучной, то какое же право ты имеешь судить о том, чего не знаешь? Лепечешь, как барышня, просидевшая 15 лет за материнской юбкой...

Вижу жилье рабочего, тоже не блиставшее роскошью, являвшее собой разительный контраст с особняками и квартирами состоятельных людей по 10—15 комнат на семью и прислугу. Рабочий вернулся с завода после 10—12-часового трудового дня и прикидывает, как ему свести концы с концами, до очередной получки; работа тяжелейшая, заработки мизерные, да еще нагло обсчитали, оштрафовали, вычли — и не смей протестовать, выгонят. Российским рабочим за одну и ту же работу платили намного меньше, чем рабочим любой другой европейской страны, за исключением разве что европейских районов Османской империи. А когда они устраивали забастовку или выходили на демонстрацию, то их разгоняла не полиция с дубинками, как в Западной Европе, а войска — пехота и конница, иногда даже артиллерия. Пехота вела прицельный огонь, залпами, не щадя ни пола, ни возраста, конница врубалась в толпу, давя людей и орудуя шашками, артиллерия вступала в бой, как только дело доходило до баррикад. Как вы думаете, какие чувства обуревали рабочего, только что бесстыдно обобранного при получке и исхлестанного нагайками при попытке заявить протест?

Как все это происходило в реальной жизни, нетрудно узнать, раскрыв известный роман М. Горького «Мать», который тоже «проходят» в школе.

Резко враждебно к грабительскому, угнетательскому общественному строю царизма относилась не только крестьянская и рабочая беднота, составлявшая подавляющее большинство населения страны. В оппозиции к царизму находилась значительная часть интеллигенции, сочувствовав-

шая революционерам и страстно желавшая революционных перемен. Интеллигенции в России в те времена было меньше, чем священнослужителей, а тех и других, вместе взятых, — меньше, чем умалишенных. Но ее роль в идеологической борьбе определялась, конечно же, не числом, а значением, которое трудно переоценить. И вот значительная часть тех, кого можно было назвать подлинно интеллигентными людьми, кто пользовался наибольшим авторитетом у молодежи, выступала с осуждением существовавшего строя, жила надеждой на революционные преобразования, приветствовала грядущую революцию, в неизбежности которой мало кто сомневался среди этого круга людей.

В те годы дальние, глухие, в сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи, а только — тень огромных
крыл...

Это — Александр Блок о реакции 1880-х годов, которую идейно возглавлял обер-прокурор синода Победоносцев.

Где вы, грядущие гунны, что тучей нависли над миром?
Слышу ваш топот чугунный по еще не открытым Памирам.
На нас ордой опьянелой рухните с темных становий —
Оживить одряхлевшее тело волной пылающей крови.
. . . .
Бесследно все сгибнет, быть может, что ведомо было
одним нам,
Но вас, кто меня уничтожит, встречаю приветственным
гимном.

Это — Валерий Брюсов. Начато осенью 1904 г., дописано в августе 1905 г., когда первая русская революция была в разгаре.

Заметим, что ни Блок, ни Брюсов не принадлежали к революционерам. Просто, как истинные поэты, они поэтически выражали настроения, господствовавшие среди передовых слоев российской общественности. Поэты встречали революцию приветственными гимнами, а некоторые капиталисты — из числа наиболее просвещенных, разумеется, — открыто сочувствовали революционерам и помогали им деньгами: настолько велика была ненависть к самодержавию всех, кому невыносим был гнет «совиных крыл».

Кстати сказать, серьезное недовольство существовавшим порядком вещей проявляли довольно широкие круги российской буржуазии — и мелкой, и средней, и крупной.

Ее до крайности раздражало хищничество и косность царских бюрократов, которые не давали как следует развернуться частному предпринимательству и в то же время, как тогда говорилось, не клали охулки на руку, когда предоставлялась возможность пощипать лавочника, купца, фабриканта. Впрочем, эти взаимоотношения достаточно красочно обрисованы в сцене объяснения городничего с купцами в гоголевском «Ревизоре». Мелкая буржуазия, в силу этих обстоятельств, доходила порой до высоких степеней ожесточения. Именно из ее среды выходила большая часть «ультра-левых» революционеров с их тактикой индивидуального террора, диверсий, нападений на полицейские участки и т. п. Средняя и тем более крупная буржуазия, разумеется, была далека от каких-либо революционных устремлений. Но недовольство свое она выражала довольно активно, и царизм вынужден был с этим считаться, изворачиваться, лавировать, идти на отвлекающие внимание общественности частичные реформы.

Работая в свое время над диссертацией о борьбе классов и партий в России между первой русской революцией и первой мировой войной, автор на множестве подлинных архивных документов воочию убедился, насколько узка и шатка была опора царизма в обществе. Для крестьянства, пролетариата, даже для значительной части мелкой буржуазии он был ненавистным врагом, вроде иноземного захватчика. Для средней и крупной буржуазии — досадной, изжившей себя помехой на пути капиталистического развития страны. Даже некоторые ультраправые черносотенцы, отражавшие настроения помещиков и наиболее реакционной части буржуазии, а также чиновничества, с презрением и негодованием относились к петербургской правящей клике, обвиняя ее в неспособности навести порядок, т. е. одолеть нараставшее революционное движение. Создается впечатление, что полностью царизм поддерживали только придворная камарилья, сановная бюрократия, поместное дворянство и черносотенное крыло буржуазии (да и то, как мы только что говорили, не все).

При такой обстановке достаточно было искры, чтобы пошел полыхать пожар, — столько накопилось горючего материала. И такая искра вспыхнула, когда десятки тысяч рабочих Петербурга отправились к царскому дворцу с петицией — просьбой помочь в их бедственном положении. Их встретили залпами и кавалерийскими атаками — как на войне. И потери как в серьезном сражении: более четырех с половиной тысяч убитых и раненых. Только, в от-

личие от войны, безоружных. Рабочие многих городов страны ответили нарастающими забастовками, затем поднялись крестьяне, дело дошло до баррикад. Два с половиной года страна была объята пламенем революции, пока ее не потопили в крови штыками, шашками, артиллерией.

Прошло еще семь лет подавленного, но исподволь снова нараставшего ожесточения. И вот вспыхнула вторая искра: началась первая мировая война, пошли тысячи, а затем десятки и сотни тысяч похоронок, стали возвращаться из госпиталей тысячи, а затем десятки и сотни тысяч калек-инвалидов. Добро бы речь шла о защите Родины! Нет, в глазах народа затянувшаяся бойня представлялась вопиюще бессмысленной: официально считалось, что война началась в защиту южных славян от угнетавшей их Австро-Венгрии, а, так сказать, у себя дома угнетенных славян и неславян было намного больше, и им приходилось намного хуже. Прошел год изнурительной войны, другой, третий... Начало давать сбои сельское хозяйство, лишенное миллионов работников. Стали подводить железные дороги. У хлебных ларьков по городам выстроились длиннющие очереди женщин и подростков за фунтом хлеба. Надвигался голод.

И вспыхнула третья искра: начались демонстрации протеста. Правительство, по инерции, бросило против них пехоту и конницу. Но на сей раз казаки повернули в казармы, а солдаты стали брататься с демонстрантами. Карательная машина забуксовала, и тысячелетняя монархия за несколько дней рассыпалась трухой, как гнилой пень. При всеобщем ликовании народа.

Бессильная при царе Государственная дума образовала Временное правительство. И что же? Крестьяне требовали земли — правительство отвечало: подождите до окончания войны, тогда поговорим. Рабочие требовали улучшения условий труда и быта — им отвечали то же самое. Солдаты на фронте, да и вообще весь народ, настоятельно требовали мира — солдат снова погнали в бессмысленное наступление, захлебнувшееся в крови новых сотен тысяч убитых и раненых. Снова начались расстрелы демонстраций протеста. Запахло военной диктатурой и черносотенным террором.

В этих условиях партия большевиков выставила простые и ясные лозунги: мир — немедленно, земля — крестьянам, заводы — рабочим. Как вы думаете, за кем пошло большинство рабочих, крестьян, вообще народа? В этом отношении очень символичным было соотношение сил при

штурме Зимнего дворца в Петрограде, где заседало Временное правительство. Его остались охранять лишь несколько сот юнкеров — остальные войска разбежались кто куда, А на штурм дворца двинулось больше десятка тысяч красногвардейцев, солдат, матросов, и их готовы были поддержать еще тысячи и тысячи штыков.

Затем началось триумфальное шествие Советской власти по всей стране. В одном городе за другим, в одном селе за другим новая власть устанавливалась при активной поддержке подавляющего большинства народа. Через два-три месяца от Белого моря на севере до Черного на юге и от линии фронта на западе до Тихого океана на востоке вместо царской России и России, ожидавшей своей судьбы под Временным правительством, простиралась Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Революция победила в общегосударственном масштабе.

Дальнейшую историю мы тоже знаем достаточно хорошо. Началась интервенция сначала войск Германии и Австро-Венгрии, затем стран Антанты. Под прикрытием интервентов перегруппировали силы контрреволюционеры и двинулись в наступление белые армии. Отчаянная борьба не на жизнь, а на смерть шла весь 1918-й, весь 1919-й, почти весь 1920 годы. А на Тихом океане свой закончили поход красные войска лишь в 1922-м... Сами подумайте, могла бы Красная Армия выстоять в этой борьбе и одолеть врага — гораздо лучше вооруженного (помощь из-за границы!), гораздо лучше подготовленного (офицерские полки!), использовавшего момент внезапности (белый террор!), — если бы ее не поддерживало самым активным образом подавляющее большинство народа?

Так что же, если бы мы с вами перенеслись вдруг на машине времени в 1917 г., — к кому бы мы примкнули, как бы мы поступили, какой путь спасения предложили бы исстрадавшемуся народу?..

4
САМЫЙ ХУДШИЙ ВНУТРЕННИЙ ВРАГ

Когда попадаешь в компанию, быстро проясняется, что люди делятся не только на симпатичных и антипатичных, на приятных во всех отношениях, просто приятных, просто неприятных и неприятных во всех отношениях. Они очень разные, оказывается, эти самые люди, и во всех других отношениях! Один замкнут, другой — душа нараспашку, один благодушествует, другой — весь комок нервов, один уступчив, готов на что угодно, как все, другой — напорист, решителен, норовит подчинить себе остальных, в штыки встречает всякое возражение. И так далее без конца. Порой кажется, что единственное, что их объединяет, это жажда самоутверждения: чтобы тебя уважали и чтобы на этой основе ты мог уважать сам себя. Плохо, когда презирают! Этого не может выдержать ни один человек. Недаром последнее, что еще способен произнести заплетающимся языком пьяный, это обычно пресловутое: «Ты меня уважаешь?..» Поистине, что у пьяного на языке, то у трезвого — на уме. Только вот самоутверждаются люди по-разному. Один гласностью, другой — властностью, один возвышенностью мыслей и чувств, другой — возвышением себя над другими, принижением других...

Пока общество находится в состоянии застоя, легче всего самоутвердиться, приспосабливаясь к господствующим порядкам. Веди себя, как положено в твоем социальном положении, — и минимум уважения тебе гарантирован! А если пристроишься к группе, возглавляемой влиятельным или власть имущим, — тем лучше. Глядишь — вон ты и сам предводитель уездного дворянства (подумать только: в этой позиции был когда-то уважаемым человеком даже такое ничтожество, как Киса Воробьянинов!). Либо купе-

ческий старшина. Либо сельский староста. Всюду тебе почет и уважение, независимо от ума и порядочности.

Положение меняется, когда общество из болота застоя попадает в водоворот революционного обновления. Тут уж звание перестает заменять знание, приспособляемость уже не гарантирует непотопляемость при любых провалах. На первый план выходит человеческий фактор (чем одушевлен человек, и одушевлен ли вообще), а вместе с ним резко возрастает роль каждой личности на переломах истории.

Это не значит, конечно, что личность даже в эпохи революций может делать все, что ей, личности, в голову придет. Нет, ее сознание и поведение всецело определяются экономикой, а в соответствии с этим — также социальными отношениями, культурой, политикой, социальной психологией и, наконец, психологией самой личности. Так, например, в 1917 г. только сумасшедший мог бы призывать, скажем, к восстановлению крепостного права — и его тут же подняли бы на штыки, даже если бы он формально был верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами. Все лозунги всех без исключения партий того времени четко укладывались в рамки объективных интересов того или иного класса, как они сложились к моменту революции. Однако в пределах этого, так сказать, объективно заданного диапазона возможных решений очень многое зависело от конкретного характера того или иного исторического деятеля.

Тем более что старая государственная машина развалилась, а новая еще не была создана. Тем более что классовая борьба быстро дошла до высшей степени напряжения. Исторический опыт показывает, что в этих условиях роль личности возрастает многократно.

Поворот к бюрократическому централизму

Как известно, организация Коммунистической партии и созданного под ее руководством Советского социалистического государства основывается на принципах демократического централизма. Это означает выборность всех органов управления снизу доверху, подотчетность выбранных управляющих своим избирателям-управляемым, подчинение меньшинства большинству с обязательностью решений

вышестоящих органов для нижестоящих и с персональной ответственностью руководителей (как перед вышестоящими инстанциями, так и перед своими коллективами) за порученное им дело. Сколько ни размышляй об этих принципах, ничего рациональнее и эффективнее не придумаешь.

Правда, практика первых месяцев революции заставила внести временно в эти основополагающие принципы некоторые поправки в связи с чрезвычайностью положения. С запада угрожала германская армия. С севера, юга, востока начались вторжения иностранных интервентов. Поднял восстание хорошо вооруженный и дисциплинированный корпус, составленный из пленных чехов и словаков, — он растянулся по железной дороге от Пензы до Владивостока. Опираясь на него, начали мятежи самые различные антисоветские силы, от эсеров до черносотенцев. В их руках оказались многие области и города. Затем в наступление двинулись сначала германцы, а затем белые армии с востока, юга и северо-запада. Под знаменами контрреволюции оказалась значительная часть казачества, опасавшаяся за свои сословные привилегии. Кроме того, армия и городское население нуждались в продовольствии, а его в тех условиях можно было получить, только посылая на село вооруженные отряды (так называемые продотряды), которые то и дело наталкивались на вооруженное сопротивление крестьян. В стране развернулся белый террор: коммунистов и всех подозреваемых в сочувствии им расстреливали и вешали тысячами. В этих условиях было бы самоубийством заниматься выборами, отчетами, митингованием, дебатами. Приходилось всецело полагаться на назначенных из центра комиссаров — и военных, и гражданских, — которые отвечали за свои решения только перед центром. Совершенно так же, как это делали комиссары английской революции XVII века или французской революции XVIII века.

Конечно, при такой системе труднее было избежать ошибочных решений и прямых злоупотреблений властью. В качестве примера можно сослаться на трагическую судьбу командарма 2-й конной армии товарища Ф. К. Миронова, с которым председатель Реввоенсовета республики Л. Д. Троцкий сводил личные счеты (Миронов обвинил его в политическом авантюризме) и который был арестован по ложному доносу, а затем «случайно застрелен» в тюрьме. Он был полностью реабилитирован и посмертно восстановлен в партии только в 1960 г. Но та же система позволяла оперативнее принимать решения в критических

ситуациях. Так, когда командарм 11-й армии на Северном Кавказе эсер И. Л. Сорокин поднял антисоветский мятеж, он был тут же арестован и убит. Ясно, что, если бы с ним вступили в дебаты, катастрофа была бы неизбежной, тем более что он начал с расстрелов коммунистов.

При всех плюсах и минусах системы назначенных комиссаров ее трудно назвать бюрократической. Ведь что такое бюрократ? Это — лицо в сфере управления, которое преследует свои личные интересы, ставит их выше общественных, прикрываясь интересами групповыми, ведомственными, местническими и т. п. А уж как он это делает — формализмом, волокитой, казенщиной или как-то иначе — это вопрос бюрократической техники. Так вот, у «комиссаров в пыльных шлемах» времен гражданской войны (воспользуемся строкой из песни Окуджавы), как правило, — за исключением исключений — личные интересы целиком совпадали с общественными, ибо они жили и умирали во имя Революции, и только во имя Революции. Иными словами, видели смысл своей жизни в служении народу, и только в этом. А такое с бюрократизмом несовместимо.

Несомненно, однако, что система назначений и ответственности только перед назначающими таила в себе серьезную опасность бюрократизации управления, на что неоднократно указывал В. И. Ленин. Эта угроза была тем серьезнее, что назначения и ответственность только «снизу вверх» касались не ограниченного числа преданных делу революции коммунистов-комиссаров, а основной массы служащих, для подавляющего большинства которых их работа, конечно же, еще не успела стать самоотверженным служением обществу, оставалась, как и прежде, всего лишь средством к существованию. И коль скоро «средство» оказывалось в положении, неподконтрольном снизу (а сверху трудно было контролировать все, что делалось на местах), возникал соблазн ставить личные или групповые интересы служащих над интересами общества, формировался бюрократизм.

В. И. Ленин ясно видел эту опасность, уделял ей большое внимание, посвятил ей десятки своих статей и выступлений, боролся с ней все свои годы пребывания в должности Председателя Совета Народных Комиссаров государства рабочих и крестьян начиная с Октября 1917 г. Он указывал на невозможность обойтись без служащих, на неизбежность прорастания сорняков бюрократизма — да еще в отсталой, патриархально-крестьянской стране, где три четверти населения были неграмотными (а среди ос-

тальных большинство — малограмотными) и, стало быть, совершенно беспомощными перед лицом бюрократа, плохо сознающими свои гражданские права, слабо проявляющими свою общественную активность. В стране, где веками принято было «подмазывать» дьяков и подьячих, где веками взятка была таким же обычным явлением, как и чаевые, где проситель веками был во власти произвола любого чиновника, он писал о вздорности утопических призывов к упразднению, ликвидации бюрократизма (что было возможно только с ликвидацией служащих и полным крушением государственного управления), о недопустимости «хирургических методов» вмешательства (сколько ни пропалывай бюрократические сорняки, они все равно будут прорастать), о необходимости постоянного, систематического лечения этой страшной болезни, разъедающей каждое общество, в том числе и социалистическое.

Какое лечение? Только — подъем гражданской сознательности и политической активности народных масс, способных результативно контролировать действия служащих снизу, способных на деле шаг за шагом реализовывать великие преимущества демократического централизма. Ленин называл бюрократа «самым худшим внутренним врагом» и по сути ставил вопрос «кто — кого?»: либо мы постепенно одолеем чуждый природе социализма бюрократизм, либо бюрократизм одолеет нас, чрезвычайно затруднит строительство нового общества.

Особенно резко усилились выступления Ленина против бюрократизма, когда к концу 1920 г. в европейской части России гражданская войная закончилась полной победой Советской власти (на Дальнем Востоке, как мы говорили, она продолжалась до 1922 г.), когда перестал быть вынужденной необходимостью военный коммунизм — национализация промышленности и большей части мелких предприятий, жесткая централизация управления производством и карточная система распределения, всеобщая трудовая повинность, запрещение частной торговли и так называемая продразверстка, т. е. обязательная сдача крестьянами государству по твердым ценам всех излишков хлеба и других продуктов (сверх установленных норм на личное пропитание каждого). Страна перешла к новой экономической политике (нэпу), когда было разрешено в определенных пределах частное предпринимательство, включая частную торговлю, отменены карточки и трудовая повинность, а продразверстка заменена гораздо меньшим продналогом, что развязывало инициативу крестьян, повышало

производительность их труда. Все это, с одной стороны, создавало более благоприятную почву для произрастания сорняков бюрократизма (взятка, коррупция и пр.), а с другой — создавало реальную возможность решительного наступления на бюрократизм. Вопрос «кто — кого?» становился в повестку дня.

Надо сказать, что коммунисты тех времен были убеждены во временном, переходном характере системы назначаемых комиссаров, обладавших чрезвычайными полномочиями в соответствии с чрезвычайным положением страны, чьи распоряжения подлежали не обсуждению, а беспрекословному исполнению. Как только острота положения немного спадала, тут же начинали пробиваться в рост элементы демократического централизма, подавлявшие бюрократизм. Об этом свидетельствуют и документы начала 20-х годов, и в высокой степени демократическая атмосфера партийных, профсоюзных, комсомольских собраний, насыщенных страстными дискуссиями, и такая же атмосфера общественной жизни в самом широком диапазоне — от науки до искусства, наконец, мои личные впечатления от бесед со старыми коммунистами, которым довелось пережить 30-е годы. Переход к мирному строительству открывал все более широкие возможности реализации принципов демократического централизма. Казалось, события будут развертываться именно в этом направлении и после ухода Ленина с политической арены.

К несчастью, политическое развитие страны пошло другим путем, и в этом особенно важную роль сыграл субъективный фактор — характер личности исторических деятелей, занимавших ключевые позиции в партийном руководстве и в правительстве страны (понятно, при сохранении определяющей роли объективных факторов — стихия десятков миллионов мелких крестьянских хозяйств, экономико-культурная отсталость, необходимость скорейшей индустриализации, чтобы выбиться из тисков отсталости и нищеты, и т. д.). Конкретно речь идет в первую очередь о двух наиболее видных руководящих деятелях — наркоме по военным и морским делам, председателе Реввоенсовета республики в 1918—1924 гг., члене Политбюро ЦК партии в 1919—1926 гг. Л. Д. Бронштейне (Троцком) и Генеральном секретаре ЦК партии (с апреля 1922 г.) И. В. Джугашвили (Сталине).

Личность Троцкого на протяжении последних 60 лет была окутана мраком забвения. С конца 20-х годов и вплоть до 1987 г. в наших энциклопедиях можно было найти

статьи о ком угодно — об Атилле, Николае II, Гитлере, а Троцкого (и не только его одного) как бы никогда и не существовало. Конечно, мягко говоря, это был не лучший способ прояснить сущность троцкизма, в том числе понять, что именно произошло в нашей стране на протяжении 1922—1929 гг., начиная с избрания Сталина Генеральным секретарем ЦК партии и кончая высылкой Троцкого из СССР за антисоветскую деятельность. Но сейчас уже появились материалы на этот счет, и личность Троцкого получает вполне определенное, причем довольно зловещее освещение.

Суть троцкизма, если говорить коротко, — политический авантюризм, стремление сохранить методы военного коммунизма и при мирных условиях, именно такими методами командовать профсоюзами, регулировать отношения с крестьянами и т. п. Недаром такого рода «теории» получили образное наименование: завинчивание гаек. В международном масштабе тот же курс означал ультрареволюционные лозунги, призывы к перманентной (непрекращающейся) революции во всех странах мира, к вооруженной борьбе при любых, пусть самых неблагоприятных, условиях и т. п. — чем троцкисты за рубежом занимаются и по сей день. Самому приходилось неоднократно с этим сталкиваться при выступлениях перед зарубежной аудиторией. Но не меньшее значение имел и характер личности основателя данного идеологического течения. Мало того, в некоторых отношениях он (характер) приобретал как бы самостоятельное значение, независимо от того, что проповедовал его носитель.

Отмечая способности и деловые качества Троцкого, Ленин писал о нем как о чрезмерно самоуверенном человеке, увлекающемся администрированием. Сводя воедино все, что нам известно о данном политическом деятеле, можно заключить, что он был очень властен и стремился подчинить своему диктату остальных членов Политбюро ЦК партии, сколачивая вокруг себя группу лично преданных ему людей и грубо унижал, оскорблял каждого, кто осмеливался противоречить ему (о степени его злобности при сведении личных счетов мы уже упоминали). Неудивительно, что большинство членов ЦК партии сплотилось против него вокруг нового Генерального секретаря ЦК.

Но и характер Сталина был сложным. Ленин писал, что «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я

предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. ...Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью» (ПСС, т. 45, с. 346, 345).

Сопоставляя характеры Троцкого и Сталина, Ленин выражал тревогу, что означенные выше качества «способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно (ПСС, т. 45, с. 345), причем именно в силу особенностей «взаимоотношения Сталина и Троцкого», ибо «это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение» (ПСС, т. 45, с. 346).

Последующая действительность подтвердила худшие из ленинских опасений.

Троцкий еще со II съезда РСДРП (1903 г.), когда он примкнул к меньшевикам, то и дело выступал против Ленина по ряду принципиальных политических вопросов, создавал оппозиции, пытался проводить в жизнь свои собственные решения, противоречившие решениям ЦК партии. Ленин убийственно критиковал его за групповщину, волюнтаризм и авантюризм, но, как мы видели, до самого конца своей жизни доверял ему ключевые посты в правительстве и высоко оценивал его способности руководителя. Иными словами, использовал эти способности в интересах дела и умел сотрудничать с таким вот человеком, вряд ли симпатичным ему в личном плане.

Совершенно иначе сложилась обстановка после ухода Ленина с политической арены.

Еще при Ленине, в 1920—1921 гг., Троцкий в очередной раз выступил против него в дискуссии о том, как строить отношения с профсоюзами, требовал военных методов в политическом руководстве рабочими. А в 1923 г. возглавил оппозицию против принятой очередным партсъездом политической линии. Результатом было смещение его в 1924 г. с ключевых постов в правительстве. Тогда в 1926 г. он, вместе со своими сторонниками, навязал партии дискуссию — дал, так сказать, «генеральное сражение» и проиграл его, так как подавляющее большинство членов партии заняли

антитроцкистскую позицию, после чего Троцкий был выведен из состава Политбюро ЦК, затем через год — вообще из ЦК, а затем, как уже говорилось, дело дошло до высылки из страны и кончилось в 1940 г. убийством в Мексике.

Сталин, используя свое положение Генерального секретаря ЦК партии, чрезвычайно осторожно, но с величайшей последовательностью, год за годом, ставил на ключевые посты в руководстве партией и государством людей, которым мог лично доверять и которые были готовы беспрекословно выполнять его распоряжения. А те люди, в свою очередь, ставили людей рангом ниже, но того же характера, зависевших лично от них. А те, в свою очередь... и так далее, вплоть до ответственных работников районного масштаба и секретарей первичных партийных организаций. При этом перемещались на менее важные должности не только члены партии, принадлежавшие к враждебным генсеку группировкам, но и вообще склонные к самостоятельности при принятии решений (что, как мы помним, было свойственно «комиссарам в пыльных шлемах» времен гражданской войны).

К 1928 г. этот титанический труд был закончен. В руках Генерального секретаря оказался партийно-государственный аппарат еще невиданной дотоле оперативности — готовый, путем мгновенной цепной реакции, выполнить автоматически, безо всяких дискуссий и размышлений, любое распоряжение свыше.

Теперь дело заключалось лишь в том, какие последуют распоряжения...

...И последствия

Мы говорили, что было бы неправильно сводить историю России, да и любой другой страны, только к политической или идеологической борьбе, какой бы важной она, эта борьба, ни была. Сказанное полностью относится и к истории СССР, которую недопустимо подменять историей КПСС, хотя понятно, что без последней невозможно понять и первой, что обе образуют в некотором роде неразрывное, органическое единство.

Нельзя забывать, в частности, что в 20-х годах, после смерти Ленина, имела место не только борьба за влияние и власть между отдельными членами руководства партии и государства, не только бюрократизация партийно-правительственного аппарата.

В первую половину этого десятилетия шла самоотверженная и успешная работа по восстановлению народного хозяйства, дошедшего до состояния полной разрухи во время империалистической и последовавшей за ней гражданской войны.

Затем началась столь же самоотверженная и столь же успешная индустриализация — процесс создания крупного, передового машинного производства во всех отраслях народного хозяйства, начиная с промышленности и кончая сельским хозяйством. Именно она позволила в 1941—1945 гг., несмотря на захват противником основных индустриальных районов страны, несмотря на необходимость эвакуации на восток страны значительной части промышленных предприятий, дать фронту намного больше самолетов, танков, орудий, минометов, автоматов, чем дала промышленность фашистской Германии, намного опережавшая советскую всего за десяток лет перед тем и к тому же опиравшаяся на промышленный потенциал всех захваченных гитлеровцами стран Европы. В этом смысле можно сказать, что крестьянин и рабочий 1925 г., вместе с воином Великой Отечественной войны, ковал победу 1945 г.

Наконец, в 20-х и 30-х годах произошла культурная революция: почти сплошь неграмотная, лапотная, культурно отсталая страна с отчаянной нехваткой работников умственного труда — от ученых, художников, инженеров, учителей, врачей до самого обычного служащего — подняла средний уровень образования сначала до четырехлетнего начального, затем до семилетнего неполного среднего, а впоследствии перешла ко всеобщему десятилетнему полному среднему, создав более чем достаточные по численности кадры дипломированных специалистов всех необходимых профилей.

Мы специально подчеркиваем, что это был подвиг — самый настоящий подвиг — советского народа и что реальную возможность такого рода свершений создал социалистический общественный строй. Специально — чтобы напрочь отмести попытки окрашивания истории СССР (и истории КПСС в том числе) сплошь в черный цвет, сводя ту и другую лишь к разного рода отрицательным моментам, как это делает антисоветская пропаганда. Повторяем, что никакую историю недопустимо красить ни в какой один-единственный цвет — ни в черный, ни в розовый. Так же, как представлять социальные портреты исторических деятелей прошлого либо в виде иконы, либо в виде карикатуры. В основе того, что мы за несколько десятилетий про-

шли путь от слаборазвитой до высокоразвитой страны, путь, на который другим странам потребовались века, то, что мы, образно говоря, на протяжении считанных часов (в исторических масштабах времени) перебрались из Бразилии в Соединенные Штаты — только в условиях социализма и благодаря социализму — в основе этого прежде всего и главным образом лежит героический, самоотверженный, успешный труд, героический подвиг наших отцов и дедов в 20-е, 30-е и 40-е годы.

Но мы еще раз повторяем, что в нашу задачу в данном случае вовсе не входит безнадежная попытка дать на нескольких страницах описание истории СССР минувших десятилетий во всей ее многосложности. Мы задаемся лишь одним вопросом, поставленным в начале книги: допустили ли наши отцы и деды культ личности Сталина, аукнувшийся впоследствии долгими годами застоя, из которого теперь с таким трудом приходится выбираться путем перестройки с целью ускорения социально-экономического развития страны? И если допустили, то как возник этот культ, как возник механизм торможения развития страны, который мы сегодня решительно ломаем и заменяем механизмом ускорения?

Обращение к реальным фактам истории СССР и КПСС периода 20-х и 30-х годов с целью ответа на такого рода вопросы неизбежно приводит к выводу: вопреки ленинскому курсу на переход от чрезвычайного положения времен революции и гражданской войны к развитию принципов демократического централизма, записанных в Программе и Уставе Коммунистической партии, Конституции СССР, фактически — в результате борьбы за власть между отдельными руководящими деятелями партии и государства после ухода Ленина с политической арены («Характер идейной борьбы в значительной мере осложнялся и личным соперничеством в руководстве партии», — отмечал М. С. Горбачев в своем докладе о 70-летии Великого Октября) — произошел переход к бюрократическому централизму, который и породил культ личности со всеми проистекающими негативными последствиями.

Бюрократический централизм, как нетрудно понять, является прямой противоположностью централизму демократическому. В самом деле, вместо выборности всех органов управления снизу доверху происходит фактическая назначаемость каждого ответственного работника сверху донизу, даже если формально происходит процедура избрания и люди единогласно (всегда единогласно или почти

единогласно) голосуют за рекомендованную сверху, совершенно не известную им кандидатуру. Вместо подотчетности управляющих перед управляемыми — полная личная зависимость каждого управленца от вышестоящего начальника, и только от него, если не вмешивается еще более вышестоящий. Вместо подчинения меньшинства большинству, — напротив, подчинение большинства меньшинству, а меньшинства на всех уровнях управления — руководителю-единоначальнику, который автоматически становится вне критики, т. е. проявляется культ личности на всех уровнях управления.

Когда надо быстро, оперативно выполнить какое-либо само собой разумеющееся решение, такая система действует потрясающе эффективно, позволяя в считанные часы, дни, недели, месяцы сделать то, на что ушли бы годы бесконечного митингования. Но когда надо решить какую-либо сложную проблему, требующую научного обоснования, основательных размышлений, сопоставления различных идей и мнений, выбора оптимального решения вместо кажущегося легким и простым, эта система буксует, дает сбои и в конечном счете обычно приводит к неоптимальным решениям, негативные последствия которых сказываются затем долгие годы и даже десятилетия.

К 1928 г. И. В. Сталин, одержав победу в борьбе за власть, оказался в положении высшего руководителя, стоящего вне критики и могущего принимать любые решения по собственному усмотрению. Все остальные руководители партии и государства были практически лишены возможности высказывать мнения, отличные от мнения генсека, а многие из выдвинувшихся по принципу личной преданности вообще никаких собственных политических мнений никогда и не имели.

В свою очередь, решения приходилось принимать нешуточные, крупные, стратегические. Полным ходом шла индустриализация страны, для чего требовались квалифицированные рабочие, а следовательно — денежные средства (точнее, продовольствие, промышленные товары и бытовые услуги) для них. Требовалось оборудование для промышленных предприятий, а значительную часть его, как и инженеров, неоткуда было взять, кроме как из-за границы. Для этого необходима была валюта, а ее в тех условиях, помимо сравнительно мизерных поступлений из торгсинов (торговля с иностранцами), можно было получить только продажей за рубеж миллионов пудов зерна — единственной значительной статьи нашего экспорта тех времен. Зерно

приходилось покупать у единоличников, и возникал, понятно, соблазн: нельзя ли покупать подешевле?

Индустриализация народного хозяйства была невозможна без индустриализации сельского хозяйства. Действительно, пока четверо с трудом прокармливали самих себя и пятого, работавшего в промышленности или в различных учреждениях (да и тот сплошь и рядом, как мы уже говорили, вынужден был подкармливаться с собственного приусадебного участка), и думать нечего было стать передовой промышленной страной. Предстояло двинуть на село мощную сельскохозяйственную технику, а ей трудно было развернуться на межах между узенькими полосками единоличных хозяйств. Логика вещей подводила к идее всеобщей коллективизации сельского хозяйства, тем более что имелся положительный опыт отдельных коллективных хозяйств и даже сельскохозяйственных коммун, созданных на сугубо добровольной основе.

И вот было принято решение: в возможно более сжатые сроки убедить единоличников **добровольно** (подчеркиваем это слово!) объединиться в колхозы, а так как такое объединение заведомо неприемлемо для наиболее зажиточных крестьян, особенно богатых, эксплуатирующих чужой труд (кулаков), то сплотить крестьян против них, вплоть до конфискации у них в пользу колхоза излишков земли и сельскохозяйственного инвентаря (раскулачивание).

А что получилось на деле?

Беспрекословно выполняя спущенное решение (фактически — приказ, не подлежащий обсуждению), руководители всех уровней — от республик и областей до районов и сельсоветов — открыли соревнование: как бы не остаться позади в начавшейся гонке коллективизации и раскулачивания, ибо это грозило потерей партбилета, руководящего кресла, а то и тюрьмой. Сверху вниз полетели грозные директивы: когда и куда сгонять обобществленный, т. е. отобранный у крестьян, скот, куда свозить обобществленный сельскохозяйственный инвентарь, сколько примерно крестьян в каждой деревне раскулачивать (независимо от того, есть кулаки или нет), наконец, когда (возможно скорее!) победно рапортовать о стопроцентной коллективизации. Эти директивы дошли до конкретных людей на селе — до людей, а не ангелов! Да еще до крестьян-единоличников, стоявших на определенном уровне социально-политической культуры, весьма далекой от норм коммунистической морали. Началось сведение личных счетов, выплеснулся мутный поток зависти, ненависти, подлости...

Сколько кулаков осталось в СССР в 1928 г.?

По официальным данным, 4,6% населения, включая городских частных предпринимателей и торговцев — нэпманов. Без этих последних остается максимум 2,5%. Академик ВАСХНИЛ В. А. Тихонов считает, что к 1928 г. в стране вообще не осталось никаких кулаков, поскольку все кулаки были раскулачены еще летом — осенью 1918 г., когда у них было конфисковано две трети принадлежавшей им земли, а также машины, скот, другие средства производства. Опираясь на конкретные данные, он доказывает, что под категорию кулака оказались подведены «крестьяне, которые своим трудом на земле, данной им Советской властью, сумели сделать свои хозяйства выше среднего уровня». Но допустим, что это были кулаки, подлежавшие ликвидации как класс. Сколько составляли 2,5% от более чем 25 млн. существовавших тогда крестьянских хозяйств? Максимум 500—700 тыс. дворов. А сколько раскулачили?

По некоторым официальным данным — более 5% всех крестьянских дворов, по другим — вдвое больше. Но и эти данные явно занижены. Общеизвестно, что раскулачен был не каждый двадцатый, а по меньшей мере каждый десятый. Все современники событий конца 20-х — начала 30-х годов, с кем доводилось говорить, словно сговорившись, сходятся на одном и том же: примерно каждый шестой — восьмой двор... И та же цифра не раз промелькнула в печати, когда вспоминают те годы. Может быть, это был тот самый предел, к которому повсеместно стремились раскулачивавшие, чтобы не отстать от соседей и не подвести себя?

Но 5 ли процентов, 10 ли, или 10—15 — это многие миллионы людей, у которых были отобраны дом, земля и имущество и которые были высланы в места весьма отдаленные, зачастую без всяких средств к существованию и для обзаведения новым хозяйством. К ним надо прибавить еще несколько миллионов погибших от голода в начале 30-х годов после всех этих событий. Помимо морально-политического аспекта таких результатов (гибель и муки мученические такого огромного количества ни в чем не повинных людей), нельзя упускать из виду и социально-экономический: подрыв сельского хозяйства, да еще в такой степени, что мы и до сих пор ощущаем на себе последствия событий более чем полувековой давности, — наше сельское хозяйство по производительности труда продолжает во много раз отставать не только от передовых мировых стандартов, но даже от сельскохозяйственных ферм ряда раз-

вивающихся стран. Достаточно сказать, что с середины 20-х годов и до самой коллективизации страна вывозила за границу примерно в среднем 150 млн. пудов зерна в год. А сегодня мы вынуждены ввозить такое же и даже большее количество. Так что расчет на получение валюты за счет собранного у колхозов за бесценок хлеба дал в конечном итоге прямо противоположные результаты. «Даже через 40 лет после той страшной разрухи — а она действительно была страшной — мы так и не пришли к тому, что должен был бы дать нам этот путь, — к решению продовольственной проблемы», — констатирует писатель Анатолий Ананьев.

Можно спорить сколько угодно о том, насколько оправдана была коллективизация в тех формах, в которых она прошла в конце 20-х — начале 30-х годов (повторяем: в тех формах, поскольку в принципе прогрессивность идеи индустриализации и добровольной коллективизации крестьянских хозяйств никто не оспаривает). Но споры излишни, поскольку их рассудил самый знающий в этом деле человек — товарищ Сталин.

2 марта 1930 г. в «Правде» была опубликована его статья «Головокружение от успехов». В ней указывалось, что «на 20 февраля с. г. уже коллективизировано 50% крестьянских хозяйств по СССР. Это значит, что мы перевыполнили пятилетний план коллективизации к 20 февраля 1930 года более чем вдвое». Как можно составлять и выполнять план добровольного вступления в колхоз и хорошо ли перевыполнять такой план (если он хоть на чем-то основан) вдвое — это вопрос особый и за рамки нашей темы выходящий. Но далее автор пишет о «потере чувства меры», об «авантюристических попытках «в два счета» разрешить все вопросы социалистического строительства», о «задаче партии: повести борьбу с этими опасными и вредными для дела настроениями», о том, что «если они, эти настроения, получат у нас права гражданства, то можно не сомневаться, что дело колхозного движения будет значительно ослаблено и опасность срыва этого движения может стать реальностью», о том, что настроения эти «антиленинские», о том, что «нельзя насаждать колхозы силой» и «механически пересаживать образцы колхозного строительства в развитых районах в районы неразвитые». Вместе с тем в статье приводились факты того, как в ряде районов «стараются нередко подменить подготовительную работу по организации колхозов чиновничьим декретированием колхозного движения, бумажными резолюциями о

росте колхозов, организацией бумажных колхозов, которых еще нет в действительности», как в некоторых районах «были уже попытки «догнать и перегнать» передовые районы СССР путем угрозы военной силой, путем угрозы лишить поливной воды и промтоваров тех крестьян, которые не хотят пока что идти в колхозы».

— Один из таких ретивых «обобществителей», — продолжает автор, — доходит даже до того, что дает приказ по артели, где он предписывает «учесть в трехдневный срок все поголовье домашней птицы каждого хозяйства», установить должности специальных «командиров» по учету и наблюдению, «занять в артели командные высоты», «командовать социалистическим боем, не покидая постов», и — ясное дело — зажать всю артель в кулак. Разве не ясно, — совершенно справедливо заключает автор, — что такая «политика» может быть угодной и выгодной лишь нашим заклятым врагам?

Однако план всеобщей «добровольно-принудительной» коллективизации крестьянских хозяйств — пусть менее молниеносными темпами — был все же выполнен и перевыполнен: в 1940 г. среди занятого в народном хозяйстве населения страны крестьяне-единоличники и некооперированные кустари составляли всего 2,6% вместо почти 80% в 1928 г. Этого требовал престиж вождя, и тут уж ни при каких, пусть даже самых плачевных, последствиях останавливаться было невозможно под страхом собственного политического крушения. На практике институт «командиров», обрисованный Сталиным, вовсе не исчез — и не мог исчезнуть — после его статьи, а, напротив, размножился неимоверно и продолжал зажимать в кулак не только колхозы, но и в целом народ, пока не довел страну до застоя, людей — до апатии, а социальные нравы — до падения. Но в данном случае обстановка конца 20-х — начала 30-х годов описана Сталиным настолько ярко и убедительно, что к написанному нечего добавить, для споров просто не остается места.

К десятилетию своего пребывания в должности генсека поставленный вне критики высший руководитель страны подходил с результатами своей политики, которые при всем желании никак нельзя было назвать блестящими. Правда, официально со страниц газет и из радиорепродукторов виделись только победные рапорты и слышались только победные фанфары (тем более что, как мы уже говорили, самоотверженный труд людей приводил к действительно значительным достижениям). Правда, никто уже более не

выступал открыто с критикой и никакие распоряжения сверху иному обсуждению, кроме как хвалебному, не подлежали.

Но не все же коммунисты — тем более старая ленинская гвардия, с подпольным стажем и революционным опытом — могли за несколько лет полностью обюрократиться, превратиться в бездумных исполнителей любого распоряжения сверху. Они вынуждены были, под страхом репрессий, беспрекословно исполнять любые указания, это верно. Беспрекословно, но не бездумно. И это было крайне опасно для человека, авторитет которого держался только на том, что он оказался вне критики. Особенно в случае нового политического провала. А тут еще от съезда к съезду партии стала выдвигаться политическая фигура, которая при известных обстоятельствах вполне могла бы заменить незадачливого генсека на его посту: Сергей Миронович Киров, обаятельнейшая личность, блестящий оратор, опытный и умелый партийный руководитель, «любимец партии», как его тогда называли, живший в обычной квартире, запросто ходивший на работу и с работы без всякой охраны, пользовавшийся огромной и все более растущей популярностью всюду — от заводского цеха до ЦК партии.

1 декабря 1934 г. произошло злодейское убийство Кирова. Немедленно все, кто мог хоть что-то знать о деталях убийства, были расстреляны без следствия и суда. А затем на протяжении почти двух лет убийство Кирова было использовано как предлог для организации политического судебного процесса против нескольких десятков бывших руководящих деятелей партии и правительства 20-х годов, не принадлежавших к окружению Сталина, давно смещенных со своих постов, но представлявших опасность как возможные в будущем критики, к которым, в силу их бывшего авторитета, могли прислушаться многие, особенно в случае осложнений. Арестованные — коммунисты с подпольным стажем, многолетние соратники Ленина, ничем себя не запятнавшие и впоследствии — получили наименование «врагов народа» и выступили на суде с признанием, что являлись агентами иностранных разведок, убежденными врагами Советской власти, что организовали убийство Кирова и замышляли убийство остальных руководителей партии. Ныне абсурдность происходившего более чем очевидна, и нетрудно догадаться о методах, с помощью которых добывались подобные «признания». Но тогда даже среди многих членов партии, не говоря уже о широких слоях населения, опубликованные признания вызвали замеша-

тельство: неужели такие люди дали втянуть себя в антисоветский заговор? Нет дыма без огня и т. п.

Как и при коллективизации, началось соревнование, кто ретивее проявит себя в развернувшихся репрессиях и выявит больше «врагов народа». Вновь открылось сведение личных счетов. Число репрессированных (на этом этапе в подавляющем большинстве — все еще преимущественно старых членов партии, бывших или даже еще не смещенных высоких ответственных работников) быстро пошло на сотни, а затем и на тысячи. Как и при коллективизации, высший руководитель решительно отмежевался от такого «перегиба», только сделал это не в форме газетной статьи, а путем расстрела руководства Наркомата внутренних дел, на которое была возложена ответственность за перегибы в репрессиях.

Однако маховик репрессий обрел свою собственную логику, продолжая раскручиваться и при новом руководстве НКВД. Соревнование среди ответственных за борьбу против «врагов народа» на уровне наркоматов, областей и районов, под страхом самому оказаться в их числе, развертывалось вновь по принципу: кто больше. Сведение счетов и даже подчас простая соседская зависть все чаще обретали форму политического доноса и почти всегда имели следствием арест очередной ничего не подозревавшей жертвы. Масштабы такого соревнования и встречных доносов становились все более колоссальными. Счет арестованным в 1937 г. пошел уже на десятки, а затем и на сотни тысяч, в совокупности же за все последующие 15 лет — на многие миллионы. Есть основания (правда, спорные) полагать, что на каком-то этапе процесс вышел из-под контроля руководства и развивался по инерции, сообразно логике проводимой политической кампании. Во всяком случае высший руководитель еще раз отмежевался от гигантских масштабов репрессий, вновь отдал приказ расстрелять сменившееся руководство НКВД, назначил новое руководство, после чего, примерно с 1938—1939 гг., волна репрессий пошла на убыль, хотя репрессии продолжались вплоть до смерти Сталина в марте 1953 г. Постепенно они приняли форму периодических кампаний — нечто вроде способа существования возникшего в 1928 г. политического режима в стране. Их ожидали со страхом, но воспринимали как нечто стихийно-естественное, прискорбно неизбежное, наподобие смерти родных и близких (знаю это уже не понаслышке, а по собственному опыту молодого человека студенческих лет 1945—1954 гг.).

Как происходили репрессии? Это мы знаем сегодня в деталях по произведениям Ю. Трифонова, А. Рыбакова, других писателей, по фильму «Покаяние» и газетным статьям. Не надо забывать только, что во всех описаниях и представлениях речь идет о единичных случаях. Очень трудно передать атмосферу растущего страха не сегодня — завтра быть арестованным и исчезнувшим навечно, нередко вместе со всей твоей семьей, — страха, который все сильнее охватывал миллионы людей, остался в них на всю их жизнь и даже, кажется, в какой-то мере передался последующим поколениям.

Кого репрессировали в первую очередь? Разумеется, прежде всего тех, кто занимал какое-то выдающееся положение (безразлично, какое именно), отличался независимостью и относительной свободой своих суждений, а главное — не принадлежал к группе, глава которой мог бы его отстоять при очередном доносе. Правда, если жертвой репрессий становился глава, то его судьбу, как правило, разделяли и остальные члены группы. Но это было, так сказать, общим правилом, из которого наблюдались многочисленные и подчас поразительные исключения.

Так, например, были почти наверняка обречены люди, в биографиях которых просматривалось хоть что-нибудь белогвардейское или какой-либо уклон в 20-е годы. Но можно привести немало примеров, когда на свободе и даже на прежней службе оставались бывшие белые офицеры, меньшевики или троцкисты 20-х годов. И можно привести еще больше примеров, когда в тюрьму и под расстрел попадали люди, предельно далекие от всякой политики и тем более от выражения недовольства любыми руководителями, либо, напротив, убежденные коммунисты-ленинцы, преданные партии и Родине люди, считавшие, что произошло какое-то трагическое недоразумение, погибавшие с возгласами: «Да здравствует Сталин, да здравствует коммунизм!» Это время можно сравнить с лотереей, только слишком уж часто выпадал билет на тот свет.

Каждому известно имя писателя А. Н. Толстого или ученого-историка академика Е. В. Тарле (с последним мне приходилось несколько раз беседовать после его блистательных лекций). Раскройте их биографии, и вы убедитесь, что тысячной доли событий в их жизни до 1920 г. с лихвой хватило бы, чтобы оказаться за решеткой, подобно тысячам других в их положении. Сказать, что они до конца своей жизни прониклись любовью к Советской власти и тем более лично к товарищу Сталину, можно только в

шутку. И лучше всего, наверное, понимал это Сталин. На того и другого наверняка поступило немало доносов. Но ни тот ни другой открыто не выступали против существовавшего режима, и этого было достаточно, чтобы они более или менее благополучно дотянули до своей естественной кончины. А сравните трагическую судьбу ученого-биолога академика Н. И. Вавилова (между прочим, члена ВЦИК!) или режиссера В. Э. Мейерхольда (между прочим, члена партии с 1918 г.!). Что ж, когда раскручивающаяся спираль репрессий обретает собственную логику, далекую от человеческой, то жизнь каждого не может не уподобляться лотерее.

Сколько именно людей пало жертвами необоснованных репрессий? На этот счет не существует опубликованных данных. Правда, не так давно в «Огоньке» опубликован подсчет генерал-лейтенанта А. И. Тодорского относительно числа репрессированных среди высшего комсостава Красной Армии: из пяти Маршалов Советского Союза погибли трое, из пяти командармов 1-го ранга — тоже трое, из 10 командармов 2-го ранга — все, из 57 комкоров — 50, из 186 комдивов — 154, из 16 армейских комиссаров 1-го и 2-го ранга — все, из 28 корпусных комиссаров — 25, из 64 дивизионных комиссаров — 58, из 456 полковников — 401 и т. д. Иными словами, к началу Великой Отечественной войны армия была фактически обезглавлена!

Здесь мы сталкиваемся еще с одним мотивом репрессий. Помимо соревнования: кто больше, чтобы уцелеть самому, помимо встречных доносов, так сказать, по злобе, на сей раз фигурирует провокация германской разведки, умело подбросившей «компрометирующие документы» и обезглавившей потенциального противника его же собственными руками. Надо полагать, что иностранные разведки проделывали тот же фокус в отношении не только военных. И во многих, надо полагать, случаях болезненная подозрительность Сталина приносила желаемый результат.

Если такие потери понесли военные, то можно себе представить, каковы были потери среди партийных деятелей. И действительно, знакомство с биографиями наиболее выдающихся из них позволяет прийти к выводу, что погибло подавляющее большинство большевиков-ленинцев с дореволюционным стажем, большинство членов партии, вступивших в нее в 1918—1937 гг., длинный ряд преданных коммунизму талантливых ученых, художников, артистов, писателей, инженеров, педагогов, врачей.. Интеллектуальный потенциал страны был подорван в сильнейшей мере,

Но даже если бы были необоснованно репрессированы не многие миллионы, а всего лишь один человек, и не маршал, писатель или член Политбюро ЦК партии, а всего лишь самый обычный, рядовой рабочий, крестьянин, служащий, — разве это не преступление? И разве ответственность за это преступление надо сваливать на соревнование исполнителей, низость обывателей, происки иностранных разведок? Нет, ответственность должны нести ответственные работники, и прежде всего — самый ответственный из них.

С другой стороны, «лотерейная» судьба репрессированных запрещает относиться к их памяти только в зависимости от того, был человек в заключении или нет. Если был, то все зависит от того, за что попал и что делал в заключении. Ибо, повторяем, арестовывали и расстреливали даже главных организаторов арестов и расстрелов, не говоря уже о множестве отъявленных холуев, лжедоносчиков и прочих мерзавцев, по тем или иным причинам разделивших трагическую судьбу вполне добропорядочных людей. Если не был репрессирован, то опять-таки все зависит от того, как вел себя, что делал все эти годы. Повторяем, остались совершенно не задетыми никакими репрессиями некоторые люди высокой моральной чистоты и не менее высоких политических принципов, внутренне осуждавшие культ Сталина, вынужденные внешне мириться с ним, но не принимавшие активного участия в профанации науки. В качестве примера могу сослаться на двух тоже небезызвестных людей, которых считаю своими учителями: историка Н. М. Дружинина и писателя И. А. Ефремова. Можно привести немало и других примеров. Так что надо быть осторожнее с оценками людей, переживших или не переживших годы культа личности Сталина! Поинтересуйтесь поподробнее их действительной биографией, прежде чем давать ту или иную оценку.

Но вернемся к положению страны накануне Великой Отечественной войны.

Изучение литературы, беседы с выдающимися участниками войны убедительно показывают, что не мы одни сегодня задним умом знаем, что́ надо было делать, чтобы в 1941 г. начинать войну сразу «Курской дугой» 1943 г., естественно, только не под Курском, а чуть не на тысячу километров западнее, по линии западнее Минск — Житомир. Для этого необходимо было не придвигать основные силы вплотную к границе, подставляя их под внезапный удар противника, а расположить восточнее, по линии ук-

репленных районов вдоль старой границы, существовавшей до 1939 г., минировать дороги с запада к этой линии и вообще сделать все возможное, чтобы замедлить продвижение противника, выиграть хотя бы несколько дней, чтобы встретить противника на линии дотов и дзотов во всеоружии. Для этого, в свою очередь, надлежало собрать контрударные силы в кулаки воздушных и танковых корпусов (последнее начали делать уже перед войной, но опоздали), надежно укрыть их от внезапных воздушных ударов, держать постоянно в боевой готовности, каждую минуту ожидая наступления утра 22 июня 1941 г. И уж конечно, в особенности после того, как стало известно, каким именно образом гитлеровские войска взламывают оборону своих противников в Западной Европе, и в частности после того, как были получены достаточно надежные разведданные о концентрации ударных сил противника в захваченной им Польше и даже примерно о времени начала вражеского наступления.

Разумеется, никаких чудес бы не произошло, и наши войска в едином порыве контратаки ни при каких стратегических и тактических хитростях не смогли бы ворваться через месяц-другой боев на штыках в Берлин (как в этом — знаю по личным впечатлениям от бесед отца с его старыми друзьями в первые дни войны — были искренне уверены оставшиеся в живых полковники). Реальное соотношение сил было не в нашу пользу, стратегическая инициатива в сложившихся условиях оставалась за агрессором, поэтому война предстояла тяжелая, долгая, кровопролитная. Но, образно говоря, ее можно было начинать не тяжелыми поражениями 1941—1942 гг., а упорными сражениями 1943 г. и победоносно окончить с потерями в несколько раз меньшими — и людскими, и материальными.

К несчастью, у Сталина были на сей счет свои собственные соображения, основанные на личном опыте в гражданской войне и абсолютно не соответствовавшие новой действительности. Он был убежден, что Гитлер не нападет, если его не провоцировать на это, пока не покончит с Англией. Ну а если завтра война, если враг нападет, если черные силы нагрянут, то помчатся лихие тачанки и мы на штыках... Существовала даже ненаучно-фантастическая книга под названием «Первый удар», где художественно описывалось, как мы на тачанках и со штыками наперевес врываемся в Берлин, радостно встречаемые освобожденным от фашистского диктатора германским народом. И этой книге верили не только школьники VII класса.

К несчастью, почти обо всех, кто мог бы высказать дельные, конструктивные предложения, как встречать непобедимого дотоле врага, упомянуто выше в перечне генерала Тодорского. А у немногих оставшихся в живых, кто имел собственные профессионально-генеральские соображения на сей счет, не было возможности и не хватило сил, чтобы переубедить человека, мыслившего изжившими себя догмами. Между прочим, вполне могло быть, что противник и не рискнул бы напасть, если бы не знал, в каком положении находится страна, а знал бы другое — что она лучше готова к обороне, что у нее есть генералы, не уступающие фашистским по искусству стратегии и тактики.

Конечно, в огне войны выковалась новая когорта маршалов, генералов и офицеров, начиная с Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского, чудом избежавших репрессий, и кончая тысячами жуковых в лейтенантских и капитанских погонах, успешно командовавших полками и дивизиями. Их великий ратный труд — от маршала и до фронтового солдата — так же недопустимо перечеркивать, как и самоотверженный труд рабочих и крестьян в предвоенные десятилетия.

Конечно, столь же недопустимо перечеркивать выдающуюся роль Сталина — при всех его просчетах и ошибках и в 1941, и в 1942 гг., и позднее — в организации победы над врагом. Его имя, его политическая фигура стали знаменем, символом сплочения народа на борьбу с захватчиками. Уже одно то, что он в критические октябрьские дни 1941 г., когда столица страны висела на волоске в ожидании подхода сибирских дивизий, остался в Москве, рискуя собственной жизнью, стоило в глазах фронтовиков целой подошедшей на помощь дивизии. Да и впоследствии его присутствие в зародыше пресекало генеральские междоусобицы, столь часто в истории приводившие к гибели армий даже при лучшем, чем в 1941—1942 гг., соотношении сил.

Еще раз: мы не пишем истории страны, партии, войны. Мы хотим только сказать, что в условиях бюрократического централизма и неизбежно порождаемого им культа больших и маленьких личностей очень трудно не только строить социализм, но и выигрывать войны.

Меж тем, как известно, человечество еще не достигло состояния всеобщего и полного разоружения...

Подумайте и об этом тоже, когда партия сегодня призывает нас к обновлению, к перестройке, к новому мышлению, к поискам эффективных решений и глобальных проб-

лем современности, и проблем, стоящих перед нашей страной.

Мы говорили об исторической ответственности исторических деятелей. Вина И. В. Сталина в том, что произошло в минувшие десятилетия, доказана и подтверждена XX съездом партии. А наша собственная вина? Не только наших отцов и дедов, современников этих событий, но и нас с вами сегодня, сейчас? Чтобы избежать долгих прений, предоставим слово публицисту Л. Аннинскому, рецензирующему на газетных страницах фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние»:

«Откуда взял силу диктатор с шутовскими усиками, и что за мощь бескрайняя, «сибирски» неодолимая вселилась в него? — спрашивает рецензент про главного героя фильма, имеющего, как известно, некоторое внешнее сходство с одним из наиболее доверенных лиц Сталина. — Почему все это стало возможно?» И отвечает: «Потому что мы его породили. Мы накликали. Мы виноваты. Моя слабость, моя рабская мечта: разом бы до бога и в рай немедленно... Не диктатура убийственна — убийствен ее источник. Кто велит? Да сами же люди и велят. Сами себе. Их слабость, их конформизм, их блудливое нежелание рисковать — вот что концентрируется в «диктаторе»: они его лепят сами из собственной трусости, вывернутой в жестокость».

Горькие слова. С ними хочется поспорить, но надо и задуматься над ними, и не только применительно к урокам прошлого, но и к нашему личному сознанию и поведению сегодня, сейчас.

Что добавить еще?

В 1956 г. была сделана попытка, связанная с именем Н. С. Хрущева, покончить со злом, которое нес бюрократический централизм. Но ополчились не на самое зло, а на его продукт, не на причину, а на следствие — только на культ личности Сталина. И бюрократия быстро взяла реванш: все пошло по-прежнему, только без массовых репрессий и других ужасающих эксцессов 30-х годов. Правда, новое руководство во главе с Л. И. Брежневым, попыталось совершить чудо: заставить бюрократический централизм перестать быть бюрократическим, оставаясь бюрократическим. Но половинчатые, непоследовательные реформы, провозглашенные в 1966 г., быстро захлебнулись в тине бюрократизма, а в 70-х годах постепенно и все хозяйство страны завязло в болоте застоя, скатившись к предкризисному состоянию. Напомним, что в медицине кризис — это

полное беспамятство, когда человек уже на волосок от гибели и когда бабушка еще надвое сказала: выживет больной или нет. Вот из этого болота, из этого предкризисного состояния нам и приходится сегодня вытаскивать страну в ходе развернувшейся перестройки. Здесь хватает и хватит работы всем читателям книги от 16 и до 116 лет.

Но прежде чем говорить об этой работе, давайте немного задумаемся над тем, как выглядят те сегодняшние и завтрашние участники перестройки, которым их дети спустя 10—15 лет зададут все тот же сакраментальный вопрос: а где ты был, папа, где ты была, мама, когда ломали механизм торможения социально-экономического развития страны и создавали механизм ускорения?..

5

ВОСПОМИНАНИЕ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ДОСТОИНСТВЕ

Жизнь продолжается, и не успеет девка косы заплести, как любили говорить в сходных случаях наши с вами пращуры, — молодые люди сегодняшнего дня встретят свое собственное чадо, только что, кажется, пачкавшее пеленки, уже с паспортом нового гражданина СССР в руках. И этот новый гражданин страны с порога начнет задавать вопросы: «Скажи-ка, папа (мама), ведь недаром... Словом, как там у вас, предки, обстояли дела в последнем десятилетии прошлого, XX века? Встречались ли порядочные люди? Не исчезли ли напрочь подлецы? И за что, собственно, дорогие родители, прикажете уважать вас в вашем недавнем прошлом?»

А те, кто сегодня предпоследний-последний год сидит за школьной партой, повезут в соседний сквер в коляске своего младшенького (не все, конечно, а кому очень повезет в жизни), и младенец, вынув соску изо рта, — акселерация же! — строгим голосом спросит: «А скажи-ка, мама (папа), чем вы занимались до 1917... прости, до 2000 года? Небось, все балдели да кайф ловили? Ну, подожди, я с вами разберусь, когда пойду в детсад!»

И что сказать в ответ?

То, что в конце 80-х — начале 90-х годов XX века, как и во все века до того, люди были разные? Что одни — да, кайфовали и блудословили. А другие — вкалывали. И еще как! Что одни в 20 лет становились «прорабами перестройки». А другие на страницах печати в те же 20 лет публично

тосковали о культе личности Сталина, о котором знали не больше, чем о Рюрике, оправдывали массовые репрессии 30-х годов и чуть ли не призывали вернуться к тем временам. Одни не стеснялись в средствах, чтобы дорваться до служебного кресла потеплее и усидеть в нем подольше. А другие поднимали хозяйство страны, доведенное в годы застоя до предкризисного состояния, создавали новые материальные и духовные ценности человечества, как и их предшественники за десятилетия и века до них.

Но ведь тут же последует еще один вопрос: «А сам-то ты, папа (мама), какое место занимал в этом разнообразии, к какому полюсу тяготел, какими человеческими качествами отличался?»

И придется, прежде чем распространяться о материальных и духовных ценностях — о хлебе и книгах, о космическом транспорте или об электронной музыке, говорить о ценностях нравственных — о порядочности и подлости, о благородстве и прохиндействе, о милосердии и жестокосердии, о великодушии и малодушии и о многих других, казалось бы, отвлеченных, абстрактных, а на самом деле очень конкретных вещах, во многом определяющих жизнь человека и человечества.

Сестры и братья милосердия

— Хамоватый народ нынче пошел, бессердечный, — вещает в компании очередной вещун. — Раньше люди не в пример душевнее были, сердобольнее. А все потому, что нынче веру в бога потеряли...

Когда раньше? При Брежневе? При Хрущеве? При Сталине? Или, может быть, в прошлом веке, когда пороли крестьян, а позже расстреливали рабочих, хоронили заживо в каменных тюремных мешках студентов? В прошлом тысячелетии, когда, напротив, веру в бога, так сказать, приобрели? Что, князья стали сердобольнее? Когда глава семейства сапогами забивал насмерть жену, таскал за косу дочь, стегал вожжами взрослого сына? Когда каждого, кто в семье помоложе и послабее, третировали все, кто постарше и посильнее, помыкали им, кто как хотел? Вы что же, думаете, «дедовщина», когда старший силой заставляет младшего стирать ему портянки, сегодня, что ли, появилась? Да ей тысячу лет! Это один из самых гнусных пережитков патриархальности, сохранившийся до наших дней.

Кто — душевнее? Чиновник, смотрящий сквозь тебя с каменной физиономией вместо ответа на просьбу разобраться и помочь? Хапуга, нагло обирающий тебя и за прилавком, и за письменным столом, и за окошечком кассы, и в твоей собственной квартире (скажем, при ремонте чего-нибудь)? Отъявленный хам, бесцеремонно отпихивающий тебя и в автобусе, и в жизни, чтобы вольготно развалиться на твоем месте? Или мерзкий холуй, достигающий той же цели исподтишка? Все это — что, в прошлом учебном году появилось? Или чуть раньше?

Да, изменения в отношениях между людьми по сравнению с тем, что было 1000, 100, 60 и даже всего 30 лет назад, заметны. И изменения далеко не всегда, увы, в пользу сегодняшнего дня. Но это не потому, что люди были душевнее и что большинство верило в бога. А потому, что иными были условия жизни.

Напомним еще раз, чтобы не говорить о временах тысячелетней и столетней давности, что всего 60 лет назад более девяти десятых населения страны и в деревнях, и в малых городах, и по окраинам крупных городов были прочно привязаны к сложной семье старого типа с сильнейшими пережитками бытовой патриархальности, которая властно диктовала людям свои правила жизни. И даже всего 30 лет назад — более двух третей, подавляющее большинство населения.

И тот дикий произвол чиновников, хапуг-мироедов, «глав семейств», о которых мы только что упоминали, составлял лишь одну сторону тысячелетней медали. Иначе общество просто не выжило бы в этом общем мордобое, оказалось бы напрочь замордованным. А вторая сторона медали заключалась в вековых традициях, нравах, обычаях, за соблюдением которых бдительно следило всесильное тогда общественное мнение окружающих и которые отнюдь не во всем были дикими, бесчеловечными. При этом многие из такого рода традиций — драгоценных крупиц вековой народной мудрости — освящались религией и брались на вооружение церковью в ее собственных интересах (что составляет предмет особого разговора, выходящий за рамки нашей темы).

Один из обычаев, встречающийся у всех без исключения народов мира, — забота о «меньших братьях своих», к которым причисляли не только малышню, но даже полностью зависящих от человека домашних животных — лошадь, корову, собаку, кошку, последнего куренка. Этот обычай диктовался и объяснялся самой жизнью. В каж-

дой крестьянской семье почти каждый ребенок (за исключением самого старшего и самого младшего) всегда имел как старших братьев-сестер, которым подражал, так и младших, о которых с малолетства привыкал родительски заботиться. Иначе многодетная семья просто-напросто не выдержала бы: не разорваться же матери между десятком детей и каторжной работой по хозяйству! А для самых старших и самых младших образцом для подражания служили соседские семьи. Точно так же невозможно было не проявлять человеческую заботу о домашней живности. Мы уже упоминали, что телята, жеребята, ягнята зимовали с людьми в одной избе. Не будешь заботиться — передохнут, а следом за ними подохнешь с голоду и ты сам. И вот столетие за столетием вырастал культ заботы о слабом, живом. Культ милосердия.

При всем своем воображении не могу представить себе нормального крестьянского мальчишку, который вздумал бы издеваться над более слабой девчонкой (если только не поучал ее, отстаивая свои патриархальные права верховенства), который пнул бы ногой кошку или из озорства разбил окно у соседа. Большей частью такое ему попросту в голову не приходило, а если кому-то приходило, то мгновенно следовала такая экзекуция, что дурь выбивалась из головы в самом буквальном смысле данного словосочетания.

То, что мы видели вчера и видим сегодня, как глумление сильного над слабым (повторяем: за рамками патриархальных устоев!), как вандализм, в стремлении испоганить по возможности все окружающее, как всякое попрание «меньших братьев своих» всюду, где только возможно, все это не что иное, как судороги агонии умирающего патриархального уклада жизни, в условиях, когда новый, более гуманный уклад, мягко говоря, еще не везде и не во всем восторжествовал.

Другой обычай, тоже характерный для всех народов мира, — гостеприимство. Правда, легко было нашим предкам чествовать гостя, когда такое событие происходило не каждый день и даже не каждую неделю, а бывало, что и не каждый месяц. Легко было сердечно здороваться с каждым встречным, если таких встречных попадалось на пути за день не более десятка. Попробуй-ка сегодня здороваться с тысячами встречных, мелькающих мимо тебя по городской улице. Попробуй-ка посадить ежедневного гостя на самое почетное место, дать ему самый вкусный кусок, постелить мягкую постель и вдобавок обязательно подарить все, что ему понравилось в твоей комнате. Им дарить

что понравится — через неделю комната как пустыня будет!

Да, новые времена — новые нравы. Но почему гостеприимство — это обязательно только зарезать для гостя барашка и снять со стены понравившийся гостю кинжал? Гостеприимство можно ведь понимать и гораздо шире: как внимание к человеку, как человечное отношение к человеку. У Марины из X «А» неприятность. Ну, скажем, рассыпался на улице портфель. И вдруг ты, вместо того чтобы привычно гоготать над несчастьем другого, наклоняешься, чтобы помочь собрать рассыпавшиеся тетради, и сочувственно улыбаешься прямо ей в лицо. Правда, она, наверное, упадет в обморок от такой неожиданности. Или у той же Марины вдруг грусть-печаль на лице: наверное, что-то стряслось дома. А ты, вместо того, чтобы взбрыкивать перед ней, как теленок на веревочке, одаряя перлами своего не превзойденного никем остроумия, вдруг подойдешь и первый раз в жизни скажешь ей сочувственные слова. Даже просто подойдешь, молча тронешь за руку (ничего, мол, все бывает, все проходит, и это пройдет), посмотришь в глаза и удалишься. Правда, есть большая опасность. Не родились еще на свет те Марина или Антон, которые после такой неожиданности не влюбились бы в тебя тут же на всю жизнь. Но вообще-то, судя по тому, что мы видим в наших школах (и не только в школах), тот и другой еще долго могут спать спокойно.

Еще один, не менее распространенный, сохранявшийся тысячелетия, вплоть до самых недавних времен, обычай — держать свое слово, выполнять обещание, добросовестно делать свою работу. Тех читателей, которые изумятся: неужели такие несусветные вещи когда-нибудь имели место в истории человечества? — специально уведомляю: не только имели место, но даже существовало особое, ныне порядком позабытое слово — обязательность. Не в привычном нам смысле: «явка всех строго обязательна» (а собрание, на которое люди притащились с другого конца города, оказывается, и не думали собирать), а именно в смысле того, что на человека и на результаты его работы можно полностью положиться. Кстати, это второе значение дано и в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова. Но в скобках после него совершенно справедливо проставлено: (устаревшее). На месте подрастающего поколения я бы смертельно обиделся и сделал бы все возможное — делом, конечно, а не словом, — чтобы эти позорные скобки исчезли из словаря.

Конечно, нашим предкам нелегко было нарушать данное слово, забывать об обещанном, халтурить. Все же у всех на виду! Нарушил, забыл, схалтурил — тебя так поправят, тебе так напомнят, тебя так ославят на добрых людях, что не только ты, все окружающие содрогнутся и зарекутся впредь. Сейчас — много легче. Но тот ли это случай, когда много легче — значит, много лучше? Думается, нет. Все мы едва ли не каждый день тяжко страдаем от необязательности лиц, с которыми приходится встречаться на жизненном пути. Обещал сделать — и не сделал, подвел. Назначил место и время встречи — не пришел ни вовремя, ни на место. Выдал справку — а она не годится. Сшил куртку — а она развалилась. И так далее. Можно ручаться, что каждый из читателей книги хлебнет этого горя в своей жизни не раз. И чтобы хлебать пришлось меньше — ополчаться на это зло надо всем миром-собором, немедленно, сейчас.

Можно перечислять добрые нравы и полезные обычаи без конца. Но мы остановимся еще только на одном — на заботе о тех, кому плохо.

Футурологи размышляют о будущем нашей системы здравоохранения. Ну, разумеется, всякая там диагностическая и процедурная электроника, компьютер, который тебе и градусник заменит, и диагноз поставит: воспаление лени, и рецепт выпишет: всыпать по первое число! Ну, разумеется, всякие там доктора-фельдшера с неописуемым вниманием к каждому больному. И прочее в том же духе. Но вот что делать, когда врач завершил обход больных и медсестра удалилась за свой электронный пульт дежурить по больничному этажу? Лежать-то ведь тошно до невозможности. Конечно, и тут можно призвать на помощь электронику: на дисплее перед твоей койкой развертывается развлекательная программа, а электронный массажер в это время снимает боль в суставах. Но никакой компьютер, даже сотого поколения, не заменит в эти часы сестры милосердия, которая пришла, поправила постель, дала лекарство, положила ласковую руку тебе на запястье и рассказывает какую-то сказку из твоей же собственной жизни. Какой ты якобы хороший. И через минуту инфаркта с инсультом — как не бывало.

Здравоохранение будущего подразумевает также обширную сеть самых разнообразных консультаций — женских и мужских, детских и старческих, социологических и психологических. Стал тебе по каким-то причинам не мил белый свет — ну, например, родители не оценили тонкости

твоего юмора или математичка вместо пятерки с минусом поставила четверку с плюсом — и вот, вместо того чтобы бежать топиться, ты сворачиваешь в ближайшую консультацию, а там доктор медицинских, психологических и социологических наук объясняет тебе, что к чему, и ты радостный, вприпрыжку, возвращаешься домой.

А может быть, сеть консультаций можно будет значительно сократить? Конечно, при одном-единственном условии: если значительную часть функций упомянутого доктора всяких наук возьмут на себя друзья-товарищи пострадавшего. Они придут посидеть с тобой, когда ты заболел. Они успокоят тебя, когда ты придешь к ним со своей бедой. Они станут твоими сестрами и братьями милосердия. И это милосердие сделает счастливой не только твою жизнь. Их жизнь — тоже. Без этого их жизнь останется как бы самообокраденной.

Подумать только, в дефиците у нас оказались не только диски, но и обыкновенная человеческая доброта. В газетных объявлениях о желающих вступить в брак на втором месте, сразу после категорического нежелания связывать свою жизнь с пьяницей, идет мольба: «ищу хорошего, доброго человека». Не красивого, не умного, не богатого, не удачливого, не пробивного — доброго! Доброта в свое время смягчала суровые нравы патриархальщины, милосердие служило отдушиной, позволявшей людям глотнуть живительного воздуха и нести дальше свой тяжкий крест. Все это в какой-то мере противостояло бессердечию, бесчеловечности общественного строя, позволяло людям выносить невыносимое. Поэтому эти качества ценились всегда, во все времена и у всех народов мира.

Милосердие сегодня необходимо не только людям. Земной флоре и фауне — тоже. Крестьянин в былые времена мог походя сорвать ветку: за лето вырастет десяток новых! Горожанин мог выехать погулять — серых уток пострелять. Вон их сколько — несметное количество! Сегодня, буквально за несколько десятилетий, все резко изменилось. Леса пали жертвой диких лесозаготовок, поляны загажены дикими туристами, полевые цветы сорваны охапками и воткнуты в мусоропровод, на последнего зайца, на последнюю утку нацелены два десятка миллионов ружейных стволов. На какой же планете вы собираетесь жить, товарищи подрастающие поколения? По имени Земля или по имени Марс? Если все-таки на Земле, то нужен уже сейчас, со школы начиная, самый настоящий культ чистого воздуха и чистой воды, дремучего леса и пахучего луга, каждого

цветочка и сучочка, каждой травинки и былинки. И конечно же, каждого живого существа на Земле, кроме опасных человеку. «Красная книга» исчезающих видов флоры и фауны должна стать многотомником!

Ну, положим, рациональное лесоводство, приходящее на смену хищническому лесоповалу, спасет часть лесов. Рационально организованное охотничье-рыболовное хозяйство, включая соответствующие любительские общества, отрегулирует поголовье диких зверей. Но ничто не может заменить человеческого милосердия в отношении к природе. Нужна добровольная армия спасения природы. Необходимо скрупулезное восстановление одного загубленного уголка природы за другим — примерно так, как мы восстанавливаем силами добровольцев загубленные исторические памятники древности. И это — не только для природы, для истории. Это — в первую очередь для нас с вами, для тех, кто собирается жить на планете Земля в первой четверти XXI века и далее. Опять-таки, не только по части экологии, по части этологии (науки о поведении живых существ в их сообществах) — тоже. Иными словами, настолько будет весела и счастлива ваша жизнь на Земле в грядущем столетии, насколько вы сумеете спасти здоровье поверхности планеты, основательно подорванное вашими близорукими родителями, насколько вы сумеете внести в растительный и животный мир планеты ваше человеческое милосердие.

Как видите, вроде бы отвлеченные нравственные понятия — такие, как порядочность, честность, верность, правдивость, добросовестность, доброта, милосердие, скромность и другие, — играют огромную роль в нашей жизни, в твоей личной жизни. Дефицит этих качеств облегчал грабителям их грабежи, затруднял ограбляемым сопротивление грабителям. Он же облегчил чудовищные злодеяния и самые настоящие преступления на почве злоупотребления властью в годы культа личности Сталина. Он же давал простор волюнтаризму в последующие годы. Он же был одним из субъективных факторов, ввергших нас в болото застоя 70-х — начала 80-х годов, из которого теперь приходится выбираться с таким великим трудом. И он же сегодня является одним из завалов на пути перестройки советского общества.

Начинается все вроде бы с малого. На переменке — обычные шум и возня. Привычные словесные пререкания друг с другом: «Ты-ы-ы! Дура-а-ак! Я те дам! Я те врежу!» И так далее в рамках наиболее употребительных 20 слов

русского языка. А заодно — попытка возвысить себя принижением слабого. Пакость соседу. Ложь. Протягивание руки к тому, что тебе не принадлежит, но плохо лежит. Низость. Подлость. Хамство по отношению к слабому, холуйство по отношению к сильному. Все. Формируется личность, очень удобная, чтобы быть бюрократом или жертвой бюрократизма, быть хапугой или обманутым, обвешенным, обсчитанным, быть подонком и не быть порядочным человеком.

Помните, у И. А. Ефремова в его «Часе быка» научно-фантастическую «теорию инферно» — о существовании в мире направленного зла, его знаменитую «Стрелу Аримана» — тенденцию плохо устроенного общества с морально тяжелой атмосферой (Ефремов писал: ноосферой) умножать зло и горе? Вы что же, думаете, под «плохо устроенным обществом» имелись в виду лишь глобальные масштабы, только феодализм и капитализм, что ли? Да нет же, если в вашем классе морально тяжелая атмосфера (о какой бы то ни было ноосфере, по понятным вам причинам, здесь смешно и говорить), то в полную меру сработают и «Закон инферно», и «Стрела Аримана». Проще говоря, плохо вам будет житься в школе и еще хуже — в последующей жизни. Меж тем в немалой степени от тебя — именно от тебя! — зависит, чтобы порочный круг «инферно» был разорван, «Стрела Аримана» сломана, морально тяжелая атмосфера превратилась в моральную отрадную, жизнь стала лучше, жизнь стала веселей.

Конечно, добиться этого нелегко. Во всяком случае для всех без исключения. Но может быть, возможно хотя бы для компании твоих собратьев по разуму? Первый шаг — уже неплохо. А за ним может последовать второй, третий, десятый, сотый. В конце концов в мире существует не только направленное зло, но и направленное добро, не только инферно — ад, но и элизиум — обитель блаженных, не только Ариман — бог зла, но и Ормузд — бог добра в древнеиранской религии. К черту Стрелу Аримана! Давайте вместе ковать Стрелу Ормузда!

Это очень непросто — быть любимым тобой

Наверное, было бы упрощением понимать дело так, будто при патриархальщине по одну сторону владычествовал Ариман — злобность, произвол, бессердечие, подлость,

грабеж и прочее, а по другую Ормузд — доброта, порядочность, милосердие, великодушие, трудолюбие и т. д. Все это в жизни переплеталось самым сложным образом. И иногда проявлялось драматически, нередко — комически, а порой и трагически.

Разрешите привести в порядке иллюстрации одну чуть-чуть сокращенную цитату (ниже будет пояснено, почему сокращенную).

«— Чет аль нечет? — спросил Хорь, загадывая.

— Пусть нечет, — отвечал Семенов.

— Твое. Теперь ты.

Семенов загадал, но лишь только открыл он ладонь, чтобы сосчитать, верно ли Хорь сказал «нечет», как хищный Хорь схватил костяшки и спрятал их к себе в карман.

— Что же это, Хорь? — говорил Семенов.

— Я тебе Хорь?.. А в ухо хочешь?

. . . .

— Отдай, Хорь; право, отдай.

— Опять Хорь?.. Рожу растворожу, зубы на зубы помножу!

Семенов не стал более разговаривать. Несчастный отошел в сторону.

Нигде не было для него приюта. Он вспомнил, что у него в парте есть горбушка с кашей. Семенов хотел позавтракать, но горбушки не оказалось. Раздраженный постоянными столкновениями с товарищами, он обратился к ним со словами:

— ..., это подло, наконец!

— Что такое?

— Кто взял горбушку?

— С кашей? — отвечали ему насмешливо. — Стибрили? Сбондили? Сляпсили? Сперли? Лафа, брат!»

Все эти слова в переводе... на человеческий язык означали — украли, а лафа — лихо!

А теперь вопрос на засыпку: в каком классе какой школы какого города или села могла разыграться в текущем году эта не бог весть насколько из ряда вон выходящая, самая будничная сценка? В каком-каком, не понял? Вот и не угадали! События происходили примерно полтораста лет назад и детально описаны в знаменитых «Очерках бурсы» Н. Г. Помяловского — произведении, от содержания которого содрогались в ужасе многие поколения читателей.

— Ну, конечно, — воскликнет наиболее проницательный читатель. — Как я сразу не догадался! Ну кто же сегодня

скажет «чет аль нечет»? В любой деревне скажут «иль». И кто же говорит «сбондили», «сляпсили»? Фу, как вульгарно! Каждый кандидат на получение аттестата зрелости выразится вполне изысканно: «стырили», «слямзили». Правда, «стибрили» и «сперли» без малейших изменений прошли сквозь века до сегодняшнего дня. Наконец, «лафа» — разве это «лихо»? Архаизм какой! Всем известно, что это — синоним терминов «здоровски» или «очка́». В крайнем случае несколько устаревшее «кайф».

Единственное, что нас сразу выдало бы в приведенной цитате, это пропущенные слова «господа», «бурсацкое» и несколько церковнославянских оборотов, ныне в современной школе успешно замененных на обороты матерные.

Во всем остальном ровно никаких различий между годом 1988-м и годом 1848-м в данном отношении не просматривается. И это дает основания утверждать, что даже если бы у нас все стороны жизни школы, кроме только что описанной, были вполне благополучны, то только по одной причине существующей нравственной атмосферы в классах потребовалась бы реформа школы, полная перестройка системы народного образования в стране. Ибо XXI век никак не приспособлен для обитания в нем бурсаков, способных, как известно, наплевать в кадушку с капустой и «сбондить» все, что попадется под руку. Их не пропустит в грядущее столетие пресловутая НТР и ее социально-экономические последствия. Комплексная компьютеризация и плевок в съестное так же органически несообразны одно другому, как, скажем, переход дикаря на красный свет в потоке космических ракет, мчащихся со сверхзвуковой скоростью, или, что то же самое, герои нашего романа за пультом управления АЭС.

Некоторые ленивые умом оптимисты успокаивают: что вы хотите, это же дети, они повзрослеют и станут вполне нормальными людьми! А мы ничего не хотим. Во-первых, это — не дети, а граждане СССР с паспортом в кармане, 16 лет от роду (хотя, как мы видели, по своему моральному облику — 1848 г. рождения). Во-вторых, тут все зависит от того, что понимать под словом «нормально». Если несуны, разгильдяйство, запоротые трактора, автомашины, станки, бесконечные аварии на производстве и на транспорте, сплошной брак косяком — это нормально, тогда больше вопросов не имеется. Если же нет, давайте думать, как выпускать в жизнь не бурсаков, а современных станочников, водителей, продавцов, инженеров, учителей, врачей. Потому что за пультом управления Чернобыльской

АЭС обнаружились самые настоящие бурсаки. И сухогруз в теплоход врезался, когда на обоих капитанских мостиках стояли прямые потомки упоминавшегося Хоря. Нравственность, как видим, имеет отношение не только к морали — ко всей жизни общества, от экономики до политики.

Другие глубокие философы на очень мелкой воде утешают: что же делать, ведь школа — слепок общества. И это — правда. Но не вся правда. Вторая половина правды заключается в том, что общество ныне целиком состоит из выпускников школ. Так что образуется либо порочный круг, либо обратная связь — это смотря как подойти к делу. Если порочный круг, то надо выписывать руководителей-специалистов из-за границы, как в давно минувшие годы, а самим ограничиваться ролью сторожей, да и то там только, где ничего ни «запороть», ни «сбондить» физически невозможно. А если обратная связь, то надо одновременно перестраивать моральную атмосферу и в школе, и в обществе — на что и нацелена перестройка.

Но мы несколько уклонились в сторону от вопроса о соотношении морального облика сегодняшних будущих родителей и судеб общества, в котором им предстоит сделаться отцами и матерями семейства. А опыт показывает, что наших будущих родителей не особенно волнуют абстрактные социальные проблемы, пусть и перспективные. Во всяком случае гораздо меньше, чем их личные, персональные. Возможно, это возрастное: ведь как-никак приходится устраивать свою судьбу. Что ж, поговорим в том же плане и о личном-интимном.

Не все шестнадцатилетние и даже восемнадцатилетние задумываются сегодня над тем, какая у них будет со временем семья, кто станет спутником жизни. Не только юноши, но теперь все чаще и девушки. Однако почти каждый из них очень заботится о том, какое впечатление производит на окружающих, очень хотел бы нравиться, выделиться чем-нибудь привлекательным. Только не знает, как это сделать, и поэтому скачет козлом, непрестанно «острит» (в кавычках), ляпает глупости и дерзит. Что ж, нормальный процесс начального самоутверждения. И каждый нормальный молодой человек дорого бы дал за информацию (не за нотации, а именно за информацию), как этот самый процесс оптимизировать.

Меж тем оптимизация здесь довольно простая. Если отвлечься от того, у кого какой папа и какие на ком штаны, то в осадок выпадает только один общий знаменатель: кто насколько интересен для окружающих. И вот выясня-

ется, что это самое «интересен» очень сложная вещь, несводимая к какой-то одной черте характера, к какой-то одной способности.

В общем и целом степень «интересности» зависит от степени продвижения по шкале всестороннего развития личности. А что собой представляет это последнее? Во-первых, отношение к миру творчества — научно-технического, социально-политического, художественно-эстетического. В переводе на жизнь молодого человека это означает, что он (она) умеет что-то сделать собственными руками — все равно что: батник скроить, пирог испечь или модель запустить. Может стать душой какого-то мероприятия — все равно какого: собрания, экскурсии, вечеринки. Может петь, танцевать, играть на каком-нибудь инструменте, рисовать, выступить в какой-нибудь сценке, сочинить что-нибудь смешное или лирическое к случаю и т. д. Особняком стоят спортивные дела — они ценятся особенно высоко. Понятно, чтобы хорошо что-то делать, надо соответственно много знать. Поэтому, во-вторых, человек отличается культурой знаний — и мировоззренческих (философских), и научно-технических, и социально-политических, и художественно-эстетических, и спортивных. Иными словами, надо не ударить в грязь лицом, когда речь зайдет о разнице между Кантом и Контом, НЛО и НТР, Лихтеншейном и Люксембургом, о том, кто такой Пушкин, и с каким счетом «Крылышки» выиграли у «Спартака». Кроме того, в-третьих, неплохо выглядеть опекуном кого-то помоложе возрастом. Это чрезвычайно старит человека, а в молодые годы такой эффект — дороже золота. Сегодня не у всех имеются младшие братья и сестры (идеальный вариант), но для этой цели вполне годятся и малолетние племянники или племянницы, даже соседские дети. Важно лишь, чтобы это было не пустое хвастовство, а огромный жизненный опыт начинающего воспитателя. На худой конец, сойдут, конечно и собака с кошкой, но всем ясно, что это уже — не та материя. В-четвертых, надо определить свое отношение к природе. И если ты к ней равнодушен или способен только вздыхать: ах, восход — ах, закат, то о чем с тобой разговаривать? В-пятых, многое зависит от того, где ты успел побывать в своей жизни. Желательно, не только с мамой за ручку. Наконец, в-шестых, очень многое определяется тем, как ты держишься в общении, в компании.

Вот на этом последнем хотелось бы остановиться несколько подробнее.

Спору нет, в компании весьма ценится умение органи-

зовать или развеселить людей. Сплошные козырные карты выложишь ты на стол, если продемонстрируешь умение что-то сделать или что-то изобразить, о чем-то интересном рассказать или с чем-то (кем-то) интересным познакомить. Иначе с тобой самим трудно будет познакомиться остальным членам компании, даже если ты будешь сидеть и гулять с ними битых десять лет. Так и останешься для остальных таинственным «мистером Икс» или таинственной «мисс Игрек». Только вот раскрывать твою тайну никому не будет интересно. Серость — вот что скажут о тебе твои друзья спустя год, пять, десять лет. И будут приглашать тебя (если будут) только для компании.

Однако — вот досада! — даже если у тебя на руках все 36 карт — козырные, этого, оказывается все равно недостаточно, чтобы выглядеть и прослыть интересным человеком (практически при любых внешних данных). Необходима еще такая неуловимая малость, которая именуется обаянием, а это последнее всецело определяется так называемым располагающим поведением. Оно, в свою очередь, целиком и полностью зависит от моральных качеств человека (хотя, правда, иногда имеет место имитация — подделка такого рода качеств, и обнаружение фальшивки приносит обнаружившему большие огорчения; но это — особый разговор, которого мы здесь не будем касаться).

Из чего же складываются моральные качества? Да все из того же, о чем мы уже говорили: из доброты, противостоящей злобности; из правдивости, противостоящей лживости; из благородства, противостоящего подлости; из верности, противостоящей предательству; из честности, противостоящей многообразному мошенничеству и жульничеству; из великодушия, противостоящего мелочности; из милосердия, противостоящего черствости; из скромности, противостоящей наглости; из естественности, противостоящей жеманству; из добросовестности, противостоящей халтуре (которая, оказывается, бывает не только в труде, но и в отношениях между людьми); из обязательности — в том смысле, о котором мы упоминали, и т. д. Я хотел довести этот список до конца, но чувствую, что излишне утомлю читателя, поэтому предоставляю ему продолжение по собственному усмотрению. Но еще одну черту хочу упомянуть: принципиальность, противостоящая беспринципности. Та или другая определяют политическое лицо человека, а оно должно быть у каждого человека, не только у политиков, по меньшей мере с 14 лет, с комсомольского возраста. Политическое лицо — это твое отношение к положению в тво-

ем учреждении (не исключая и школы), в твоем районе, в твоем государстве, наконец, на твоей планете. Очень важная черта, без которой лицо так и останется младенческим, даже если уж с бородой или сплошь закрашено косметикой.

И вот сидит в углу член компании, который, может быть, ничего особенно не умеет (хотя умеет не хуже других), ничего особенного не знает (хотя знает не хуже других), нигде особенно не бывал и никакими организационно-развлекательными особенностями не отличается. Но все ребята знают, что на него (на нее) в жизни можно положиться, что она (он) не подведет, не наврет, не предаст, не сподличает, не схалтурит, не схамит, но и не будет холуйствовать, не станет мелочиться из-за пустяков, что у него (у нее) — доброе сердце и не пустая голова, что в жизни он (она) уже твердо определил свою позицию и не юлит, как уж по кустам.

Этот член компании всегда возьмет на себя свою долю общих трудов, никогда не попытается перевалить ее на других, всегда поддержит разговор, постараясь никого не обидеть понапрасну, всегда останется душой компании, даже если по характеру своему никак не тянет на роль заводилы.

Всего этого более чем достаточно, чтобы быть уверенным: твоя жизнь — как жизнь интересного для окружающих человека (как работника — особый разговор) — полностью состоялась. И если сложилась по части любви, семьи и дружбы не особенно счастливо или совсем несчастливо, то, видимо, никак не по твоей вине, а по любым иным причинам.

А дальше все зависит от масштаба твоей личности.

Можно, например, выступить перед компанией со следующими словосочетаниями:

Уж весенним солнышком повеяло, ручейки уж журчат
во дворе.
За окном стоит ива молчаливая, и чудится: это во сне!...

Уже неплохо. (Такую сравнительно высокую оценку процитированной поэме я даю только по знакомству, поскольку она была сочинена самим автором полвека назад, но почему-то не вошла в золотой фонд мировой поэзии.)

Но ведь можно создать и совершенно иные словосочетания. Например:

Я не люблю холодного цинизма,
В восторженность не верю и еще,

тия, куда рабочих и служащих этого предприятия и близко не подпускают. Там, в теплой компании таких же «культоргов», идет в даровую сауну, садится за роскошно накрытый стол (тоже даровой) и развлекается с «девочками».

А утром заступает на трибуну и пытается одолеть написанный чьей-то услужливой рукой стандартно-пустословный декламационный текст: «Дорогие товарищи! В условиях развитого социализма... производственные силы и производительные отношения... за отчетный период свыше ста процентов и более миллиона тонн... обеспечили недоперевыполнение плана... высокие требования к моральному облику коммуниста... мы и впредь» и так далее.

Затем в прениях выступают заранее подготовленные поповы, васильевы, ковылкины и чулковы (только с другими фамилиями), а в дверях, с уже знакомой нам задачей, стоит очередной калинкин. Мероприятие проведено успешно. Рапорт сдан блестяще. Остается ожидать очередного юбилея и получать очередные награды.

Еще один виток спирали, и нам сообщают в изложении речь заместителя Генерального прокурора СССР, который разоблачает преступный клан мздоимцев и казнокрадов во главе с заместителем министра рыбного хозяйства, превративших свои сановные кабинеты (цитируем газетный отчет об этом процессе) в зловонный гнойник, в барахолку, где все, решительно все, продавалось: должности, звания и ордена, дипломы и дачи, курорты, круизы, сервизы, место в гостинице и место под солнцем. Клан, включавший многочисленную челядь замминистра, купленную им и купившую его: замов, завов, мэров, секретарей, секретарш, барменов, массажистов, бакалейщиков, мясников, стихотворцев — создателей величальных од, живописцев — создателей монументальных портретов, и прочая, и прочая, и прочая.

И разве только в одном министерстве рыбного хозяйства, как мы теперь знаем, были вскрыты подобные гнойники?

Мы слушаем разоблачения таких же точно преступных кланов не только в министерствах — в самых разных городах и весях: в Ростове-на-Дону, в Сочи и т. д. (список довольно внушительный). В последнем случае на защиту разоблаченного сочинского мэра, с его точно такой же бандой мздоимцев и казнокрадов, бросается сильно замешанный в этом грязном деле сам «властитель края» (мы опять-таки цитируем газетный очерк об этом деле) — име-

ется в виду Краснодарский край. Он получает поддержку министра внутренних дел СССР и ряда других высокопоставленных лиц, тоже причастных к мздоимству и казнокрадству (впоследствии приговоренных к суровому наказанию за свои злодеяния). Он пробирается в самые высшие партийно-правительственные инстанции, он пронзительно-надрывно кричит: «Замахнулись на партию! Избивают лучшие партийные кадры!» И даже — нет предела человеческой низости и цинизму: «Это вам не 37-й год!»

В итоге заместителя генерального прокурора грязной, площадной бранью выгоняют и из высокого сановного кабинета, где над ним вершилась расправа, и с его должности. Не освобождают от должности, как потом оформляется в официальных бумагах, а именно выгоняют — криком и матерщиной.

Так расправилась с прокурором краснодарская мафия — заключает свой очерк журналист. Мафия — вот то слово, которое наиболее точно отображает характер тесно спаянных между собой преступных кланов. Конечно, это не чикагская мафия. Тут — все иное. Но разве нам от этого легче? И разве имеет все это, каким бы словом его ни назвать, хоть какое-то отношение к социализму — общественному строю, основанному на общественной собственности на средства производства, на принципе «от каждого — по его способностям, каждому — по его труду»? К коммунизму — общественному строю, самоцелью которого является всестороннее развитие личности, по принципу «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям»? Нет, это — плесень, это — ржавчина, разъедающая наш общественный строй. Это — начальная стадия рака, поставившего под смертельную угрозу само существование нашего общества, если бы не приступили к лечению, к перестройке.

И разве только в Краснодарском крае, разве только в Ростовской области, как мы теперь знаем, была разоблачена и разгромлена точно такая вот мафия?

Так, немало подобных «руководителей» было арестовано в Узбекистане, и среди тех, кто руководил преступлениями, мы видим: 4 секретарей ЦК КП Узбекистана, Председателя Совета Министров республики, заместителя Председателя Президиума Верховного Совета Узбекской ССР, 7 первых секретарей обкомов партии, ряд секретарей райкомов и горкомов, министра внутренних дел республики, трех его заместителей, 8 начальников УВД и других ответственных лиц.

А что такое по сути своей мафия? Это ведь не только

место в спецшколе или в институте по звонку, не только государственный кирпич на личную дачу, не только даровая сауна и веселые «девочки». Это, самое главное, — экономика, переставшая быть не только экономной, но и управляемой. Это — тысячи начатых показухи ради строек, так и оставшихся незавершенными. Это — каждый третий рабочий, занятый ремонтом устаревшего, никуда не годного оборудования. Это — трудности с продовольствием, энергетикой, сырьем. Это — отставание от передовых мировых стандартов, от наиболее развитых экономически стран мира. Это — десятки рукописей, кинофильмов, пьес, которых ждет читатель и зритель, но которые заживо похоронены разнообразными унтерами пришибеевыми, дорвавшимися до бесконтрольной власти. Это — сотни пустующих театральных залов и тысячи пустующих кинозалов, где демонстрируются те стандартные телеграфные столбы, в которые, как известно, превращаются хорошо «отредактированные» живые деревья. Это — те самые «неформальные» организации, куда отшатывается молодежь от казенной скуки, царящей в организациях «формальных».

Словом, это — все то, что мы кратко именуем «застоем», «падением социальных нравов», «отходом от ленинских принципов демократического централизма», «отступлением от норм социализма». То, что нам приходится преодолевать сегодня в ходе революционной перестройки нашего общества.

Видите, чем кончается веревочка, которую — не без нашего с вами попустительства — начала вить культорг Леночка, самодержавно распорядившаяся насчет того, в какие добровольные общества нам вступать и какие собрания нам проводить? А всего-то надо было сказать: не имеешь права подменять добровольность принудительностью! Сами решим, когда собирать собрание, какие вопросы обсуждать и какие резолюции принимать! Но поленились, смалодушничали, струсили... И получили по заслугам.

«Духовный кризис», «бюрократическое омертвление всего и вся», «разрыв между словом и делом» (вновь и вновь цитируем газетные строки) — вот цена, которую нам пришлось платить за наше же собственное малодушие.

«Большевики, совершив революцию, первыми среди нас стали людьми дела и спасли, таким образом, честь международного социализма, — писала 70 лет назад, в тюрьме, незадолго до своей трагической гибели Роза Люксембург. — Слава богу, что они нашли в себе мужество плюнуть на доктринерство своих меньшевиков и наших тупоумных на-

следников Маркса, лишивших Россию, в силу ее отсталости, права на пролетарскую революцию. Слава богу, что нашлись, наконец, среди нас люди, всему миру показавшие, что они предпочитают не конгрессы, съезды, доклады и рефераты о революции, а саму революцию!

Конечно, как фанатичную сторонницу демократии они меня шокировали, но я всегда искала и находила смягчающие обстоятельства. Они были более чем правы, использовав железный кулак для подавления всякого сопротивления, но эти меры не должны были становиться общим правилом на длительное время.

Конечно, если политическая жизнь в стране будет задушена, Советы тоже не смогут избежать прогрессирующего паралича. Без общих выборов, свободы печати и собраний, свободной борьбы мнений в любом общественном институте жизнь затухает, становится лишь видимостью, и единственным активным элементом этой жизни становится бюрократия». (Перевод с немецкого цитируем по публикации в «Литературной газете», 1987, № 44, с. 8.)

Авторы публикации назвали эту неоконченную тюремную рукопись Розы Люксембург «пророчеством». Однако, как нам хорошо известно из теории и практики современной социальной прогностики, любые пророчества-предсказания обладают свойством либо самоосуществляться, либо саморазрушаться — в зависимости от решений и действий людей.

Мы, мы сами осуществили это пророчество, отступив от ленинских принципов демократического централизма в сторону централизма бюрократического. Что же надо делать, чтобы приведенное пророчество наконец саморазрушилось?

Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев сказал в одном из своих выступлений накануне 70-летия Великого Октября: «Мы гордимся свершениями своей революции, которая недаром называется Великой. Но это тем более обязывает нас видеть проблемы, накопившиеся в обществе, осознавать требования, которые диктует жизнь».

Выражая настроения широких кругов советской общественности, группа писателей на страницах печати откликнулась на эти слова конкретными соображениями и предложениями:

— Усвоить, как самоочевидное, критическое отношение к себе, ибо это нормальное состояние и человека, и общества.

— Сделать главным в процессе перестройки поиск и

вычленение тех социальных групп, которые, будучи соответственно защищены от произвола с любой стороны, смогли бы заинтересованно повести за собой остальной народ, блокируя тех, кто работать не умеет и не хочет.

— Изжить страх, гнездящийся в нашем сознании, побуждающий нас критиковать лишь прошлое, а сегодняшние проблемы обсуждать нерешительно, поверхностно, не вникая в их суть, либо критиковать результаты, почти ничего не говоря о причинах.

«Если мы, обжегшись в прошлые десятилетия на молоке, будем в этом десятилетии, кривясь, дуть на воду, — заключал один из участников дискуссии, — если мы снова коллективно струсим и, спасая свои некондиционные шкуры, опять начнем уступать правду неправде, лишь только на нас выразительно посмотрит ближайшее начальство, словом, если мы упустим этот последний наш общий шанс, — то что же за люди мы будем? Дрянь мы будем, а не люди. Просто дрянь, историческая шваль».

Зависит от тебя лично

Давно осознаны и детально обоснованы четыре конкретных пути перехода с уровня бюрократического централизма на уровень централизма демократического:

Первое — полная и подлинная гласность. Это означает, что после критических выступлений обязательно должны быть сделаны какие-то конструктивные выводы из критики, коль скоро она признана правильной. А если ты выступил с критикой раз, другой, третий, сотый, а ничего — ровно ничего — не меняется, то какая же это гласность? Так, пустогласие. Гласность вопиющего в пустыне.

И еще, не менее важное: критическое выступление ни при каких обстоятельствах не должно повлечь за собой преследований критикующего. Да, случается клевета, и она должна быть строго наказана, если доказана (кстати, как раз в данном отношении мы сплошь и рядом оказываемся вроде бы совершенно беззащитными перед наглым, оголтелым клеветником). Да, случаются злоупотребления критикой, когда вор кричит «держи вора!», когда негодный работник выступает якобы с критикой, а на деле — с единственной целью: попробуй-ка теперь меня уволить или понизить в должности, меня, пострадавшего за критику (Помните, как надрывно кричал высокопоставленный про-

воровавшийся негодяй: «Караул, избивают лучшие партийные кадры!») Но ведь и такого рода прохиндеев нетрудно вывести на чистую воду в условиях полной и подлинной гласности. А в принципе — должно стать правилом: малейшее ущемление за критику кого бы то ни было должно приравниваться по меньшей мере к злостному хулиганству, со всеми проистекающими отсюда последствиями.

Второе — полная и подлинная подотчетность каждого руководителя, каждого ответственного лица не только перед вышестоящими инстанциями (что само собой понятно), но и перед собственным коллективом, перед своими товарищами по работе. Отчитался, получил вотум доверия — работай дальше. Получил вотум недоверия (открытым ли, тайным ли голосованием — это зависит от конкретных обстоятельств) — будь добр, либо убеди аудиторию в своей правоте, либо убеди ее в том, что готов сделать выводы из критики и оправдать доверие, либо — подавай в отставку. А без этого — какая же подотчетность? Так, оперетта.

Третье — систематическое обновление руководящих кадров. Ни при каких условиях не допускать превращения руководящих должностей в пожизненные, да еще порой с передачей по наследству своим детям и внукам. Искоренить даже самое понятие «служебная карьера», «повышение», «понижение», «продвижение по службе» и т. п. как архаичные, ошибочно-механически перенесенные из времен давно минувших в нашу социалистическую действительность и не имеющие с ней, с этой действительностью, ровно ничего общего, наоборот, кричаще противоречащие ей.

Надлежит заменить понятие «карьера» более соответствующим нашим условиям понятием «управленческая повинность», «управленческая обязанность», «служение обществу». Выявили у тебя талант к управленческой деятельности (а талант этот, как и всякий талант, относительная редкость) — побудь несколько лет в должности заместителя руководителя, поучись науке и искусству управления, покажи, на что ты способен. И если действительно оправдал надежды, если действительно способен — послужи обществу несколько лет в должности руководителя. Ну, может быть, второй срок, еще несколько лет, если не нашлось достойного преемника (но выговор тебе с предупреждением за то, что вовремя преемника не подготовил). А засим — спасибо, переходи на более почетную работу, достойную твоих способностей и твоего возраста, но не обязательно руководящую и даже не обязательно ответственную. Иначе бюрократизма не одолеть.

Наконец, **четвертое** — регламентация отношений управляющих и управляемых. Такая регламентация существует и сейчас, но напоминает улицу с односторонним движением: только для низших по отношению к высшим. Попробуйка, забеги ненароком к директору и начни поучать его с утра до вечера, как ему директорствовать, — тебя секретарша тут же спросит: «Ты зачем пришел? По какому вопросу? Ах, давать ценные указания? Иди, работай, без тебя обойдемся!» Директор тоже может и даже обязан навестить тебя на твоем рабочем месте. Но в каких случаях? Только если требуется распространить твой бесценный передовой опыт на другие цеха, отделы. Только если у тебя авария. Только если у тебя конфликт с товарищем по работе и вас надо мирить-координировать. Только если предстоит «переналадка», т. е. предстоит заняться совсем новым делом и без ЦУ начальства никак не обойтись. Наконец, само собой разумеется, контроль. Но не каждый же день. А так — дал задание и впредь до периодической проверки, будь добр, не мешай работать. Тебе доверили твою работу — и ты, будь добр, доверь мне мою, не мучай меня с утра до вечера бесконечными звонками, ревизиями, указаниями и наставлениями. Видишь на двери отдела надпись: «Вход посторонним и директору во время работы строго воспрещен!»

Специалисты в области управления утверждают, что отказ от мелочной опеки, от оголтелого администрирования позволит во много раз сократить управленческий аппарат, сильно повысит эффективность управления и столь же сильно подорвет бюрократию.

Но, конечно же, все это — лишь **условия** для дебюрократизации управления, для демократизации общества. Сама дебюрократизация, сама демократизация целиком и полностью зависит от нравственной атмосферы, от социальной активности, от развития общественного самоуправления (само — подчеркиваем это!), от развития степени гражданственности, чувства человеческого достоинства у людей. Она начинается с той секунды, когда вы скажете своему культоргу Леночке: хватит разыгрывать самодержицу местного значения! Выполняй порученное тебе дело и держи за него ответ перед нами. А мы уж сами как-нибудь сообразим, что делать и с чем выступать.

Если же тебе безразличны общественные дела; если ты торопишься в кино на «Анжелику» и тебе все равно, что обсуждают на собрании и за что голосовать, лишь бы поскорее отпустили; если ты боишься испортить отношения

с Леночкой (вдруг даст лишний билетик на вторую серию «Анжелики»!) и, умильно заглядывая ей в глаза, поддакиваешь всему, что бы она ни изрекла, — то пеняй на себя, не прогневайся, не взыщи и не ропщи: насидишься ты вдоволь в леночкиной приемной, оказавшись с головой, целиком и полностью в ее произвольной власти; обездолит она тебя безнаказанно по всем статьям и единого слова не то что протеста или критики, но даже наималейшего возражения сказать не даст; будешь ты пребывать безысходно в той самой позиции, когда, как говорится, и бьют, и плакать не велят. А вместе со всем тем, как показывает исторический опыт, твой культорг, пребывая вне критики, обязательно развалит вверенное ей хозяйство, придушит, как куренка, всю культурную работу и доведет дело до полного застоя, до грани катастрофы.

Ну а если говорить совсем серьезно (хотя серьезнее, казалось бы, некуда, ибо проницательный читатель давно, наверное, понял, что дело отнюдь не в характере Леночки, да и не в ней самой, разумеется), то бюрократический централизм, при нашей с вами общественной пассивности укрепляющийся, неизбежно заводит страну в тупик. Неизбежно наступает момент, о котором говорил М. С. Горбачев в своем выступлении на ноябрьском (1987 г.) пленуме Московского городского комитета партии, когда Политбюро и Секретариат ЦК партии на каком-то этапе «оказываются неработоспособными», когда страна, как выразился один из участников пленума, начинает «неуклонно сползать к пропасти» и когда только решительная, революционная перестройка способна предотвратить катастрофу.

Что же конкретно делать, чтобы лично, самому, сегодня, сейчас принять участие в перестройке, в переводе своей страны на рельсы демократического централизма?

На этот вопрос надо сегодня ответить каждому из нас

ОГЛАВЛЕНИЕ

25 к.